

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 24 (1135).

Суббота, 2 июня 1945 г.

Цена 45 коп.

1 стр. Эдуардас Межелайтис. Весна (стихи). Костас Корсакас. Земля поет (стихи). Книжки и читатели — На совещании библиотечных работников. По Советской стране. Информация. 2 стр. Памяти Демьяна Бедного. В. Лебедев-Кумач. Подвиг ежедневный. Похороны поэта. Ф. Маршак. О жизни и литературе. С. Чиковани. Тема дня и тема истории. Информация.

3 стр. А. Машкин. Заметки о журнале. Геннадий Гор. Опасность обыденного. Б. Брайнина. Рассказы А. Толстого о любви. 4 стр. Вера Смирнова. «Грач, птица весенняя». М. Слободской. Ромеев и Юлька (маленький фельетон). А. Старцев. Странствие во мраке. Информация. В Союзе советских писателей СССР. В несколько строк.

Величие русского народа

Неуязвимой слабой покрыл себя советский народ в борьбе против гитлеровской Германии. Примеров такого героизма и самоотверженности, какие показали миру советские воины и труженики тыла, не знала еще история. В веках будет жить память о чудесных подвигах людей нашей земли.

В едином стремлении дать сокрушительный отпор врагу, как никогда, крепко сплотились все народы советской земли. И в авангарде этой единой семьи народов, как всегда, шел великий русский народ, заслуживший в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны.

В здравные, провозглашенной 24 мая в Кремле в честь советского народа, товарищ Сталин с особенной благодарностью говорил о высоких заслугах русского народа, чей ясный ум и стойкость характера, чье терпение и готовность на любые жертвы во имя блага Родины сыграли исключительную роль в разгроме фашистской Германии, чье непоколебимое доверие к советскому правительству оказало решающую роль, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — фашизмом.

Чувством огромной гордости наполняет эта высокая сталинская оценка сердца каждого русского человека, сердца всех советских людей. В этой оценке содержится признание величия исторических судеб русского народа, признание замечательных качеств русского национального характера, глубины патристического чувства русских людей, вдохновляющих своим примером всех советских людей на славные подвиги во имя Родины.

Право на эту высокую оценку, на почетное место наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза, русский народ завоевал исключительно упорной борьбой за свободу и независимость родной земли.

«Тот народ, который перешел только через маленькие препятствия, — говорил М. И. Калинин в одном из своих выступлений, — не называется великим народом; только тот народ, который поборол величайшие препятствия, претерпел величайшие горести, только такой народ называется великим». Величие русского народа, быть может, ярче всего сказалось в том, что никакие горести и трудности, выпавшие на его долю, не могли сломить его силы, сокрушить его стойкость и могущество. Суровым и трудным, но в то же время прекрасным и славным был его исторический путь. Много врагов видели перед собою русские люди: дикие орды степных кочевников, полчища немецких феодалов, грозные войска Наполеона, армии, снаряженные хищным германским империализмом. Враги мечтали о русских просторах, о богатой русской земле, мечтали поработить наш народ. Но всегда крепка и несокрушима была любовь русского человека к своей Родине. В тяжелые годы испытаний поднимался он во весь исполинский рост своей, грудью отражая вражеский натиск. Безмерны исторические заслуги русского народа перед другими народами.

В борьбе за свою самостоятельность и свободу русский народ построил могущественное государство, выдвинул выдающихся политических и военных деятелей, создал замечательную военную науку, украшаемую именами таких стратегов и полководцев, как Петр Первый, Румянцев, Суворов, Кутузов. И сколько все испытывая, сколько все горести претерпевая, ни разу не покинул энергию творчества. Никакие лишения и невзгоды не могли заглушить его исключительной, фантастической, по выражению Горького, талантливости. Он создал великую русскую культуру, которая по праву заняла виднейшее место в культурной сокровищнице всего человечества. Во всех областях общественной жизни, науки, техники, искусства, литературы русский гений породил величайшие культурные ценности.

Русский народ выдвинул блестящую плеяду писателей, художников, композиторов, актеров, прославивших на весь мир русское искусство, создавших непревзойденные шедевры во всех областях художественного творчества.

Общественно громадное влияние русской науки, русского искусства и литературы на культуру других стран. Еще более значительна роль русской культуры в развитии духовной жизни всех без исключения народов нашей страны. Тот расцвет национальных культур в республиках Советского Союза, свидетелями которого являемся мы сейчас, не был бы возможным, если бы на протяжении многих десятилетий народы, входящие в состав России, не испытывали благотворного влияния русской культуры, русского искусства и литературы.

«Я знаю русский народ, — восклицал А. М. Горький, — я убежден, я верю — этот народ может внести в духовную жизнь земли нечто своеобразное и глубокое, нечто важное для всех». Этим величайшим вкладом в духовную жизнь человечества явилось высшее достижение русской культуры — ленинизм, воплотивший в себе самые благородные, самые светлые идеи, какие когда-либо знало человечество. Вооруженный этим гениальным учением, русский народ первый поднял знамя освободительной борьбы и повел за собою другие народы на бой со старым миром насилия и произвола. Победа Октябрьской социалистической революции была в первую очередь победой русского народа, триумфальным завершением его вековой борьбы за торжество высоких идеалов свободы, справедливости, добра.

Водушевленный этой победой, в расцвете творческих сил и дерзаний, русский народ выступил как организатор и создатель единой семьи народов нашей страны, могучего Союза Советских Социалистических республик. На протяжении двух с половиной десятилетий народы Советского Союза под руководством великой партии Ленина — Сталина укрепляли и украшали свою страну, завоевывали все новые и новые высоты техники, науки, искусства. И в этом величественном процессе творчества, создания новой жизни на одной шестой части земного шара, русский народ неизменно был впереди, сплачивая и объединяя другие народы, помогая им идейно, организационно, творчески. А когда подлый враг вероломно напал на нашу землю, русский народ, сплотив вокруг себя все народы советской земли, грудью встретил врага и из неслыханно тяжелой, кровавой схватки вышел не только не ослабевшим, но еще более могучим и монолитным, как никогда прочно уверенным в своих силах. В борьбе с фашизмом русский народ высоко поднял знамя справедливости и прогресса, знамя свободы всех народов, демократии и равноправия наций. В славный список исторических деяний русского народа внесена еще одна безмерная заслуга России перед человечеством: своей самоотверженной борьбой она спасла цивилизацию от самой страшной силы, которая когда-либо грозила миру.

В формировании духовного облика русского народа, в становлении русского национального характера, в создании русской культуры огромную роль сыграла великая русская литература. От гениального зноса древности, бессмертного «Слова о полку Игореве», от былин и героических песен до великих творений Пушкина, Лермонтова, Толстого, до лучших произведений, рожденных в наши дни, русская литература, исполненная высокого патристического чувства, проникнутая глубокой идейностью, выступала, как могучая творческая, воспитательная сила. Русские писатели хорошо знали свой народ, горячо любили его, верили в его необычные силы, в величие исторических предначертаний, стоящих перед Россией.

«...Где есть народ в краях ведренных, Кто б столько сил в себе имел, Кто б помнил, от чего стесненней, Кто б себя намерял в судьбу, И вырвал бы вены зарывши, Возлегал бы тех самых окочен, Кто столько смуту страшился?»

С гордостью писал Державин о русском народе. «Здесь ли, в тебе ли, не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца, — восторженно восклицал Гоголь, обращаясь к чудной, прекрасной Руси, — Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развешивать и пройтись ему?» И как бы примыслив продолжением этих горьковских слов звучит пророчество Великого русского поэта 1940 года, являющего всему миру пример просвещения и свободы, верности высоким общечеловеческим идеалам, и утверждение Горького, что Россия станет самой яркой демократией мира.

Лучшие гражданские и человеческие черты воспитывала в своем народе русская литература. Но воспитывая в народе сознание национального достоинства, укрепляя в нем ясное понимание величия исторических судеб России, наша литература была далека от проповеди национальной исключительности, человеконенавистничества. Говоря о патристическом чувстве русского человека, Добролюбов утверждал, что оно является «частным проявлением любви к человечеству и не уживается с неприязнью к отдельным народам». Не случайно, конечно, как сильна в нашей литературе интернациональная струя, не случайно русская литература всегда поднимала свой голос в защиту угнетенных народов, против узурпаторов — завоевателей всех мастей и рангов.

Эти великие традиции русской литературы достойно продолжает в наши дни советская литература. В годы Отечественной войны с особой силой прозвучали произведения лучших наших писателей патристические призывы, дышавшие непоколебимой верой в силу русского народа, утверждающие его руководящую роль в священной борьбе всех народов советской страны против общего врага. И в том прекрасном подвиге, который совершил русский народ в дни Отечественной войны, есть доля и нашей литературы, и в первую очередь русской литературы, сплачивающей и объединяющей вокруг себя литературы братских национальностей.

Новые гигантские задачи встают сегодня перед советскими людьми, задачи восстановления, строительства, создания во всех областях жизни. В борьбе за дальнейшее расцвет нашей страны русский народ, как и всегда, будет объединять вокруг себя все народы СССР, вести их к новым победам. Дело чести нашей литературы в этом великом созидательном процессе остаться достойной своей страны, своего народа.

Отъезд на родину Мартина Андерсена Нексе

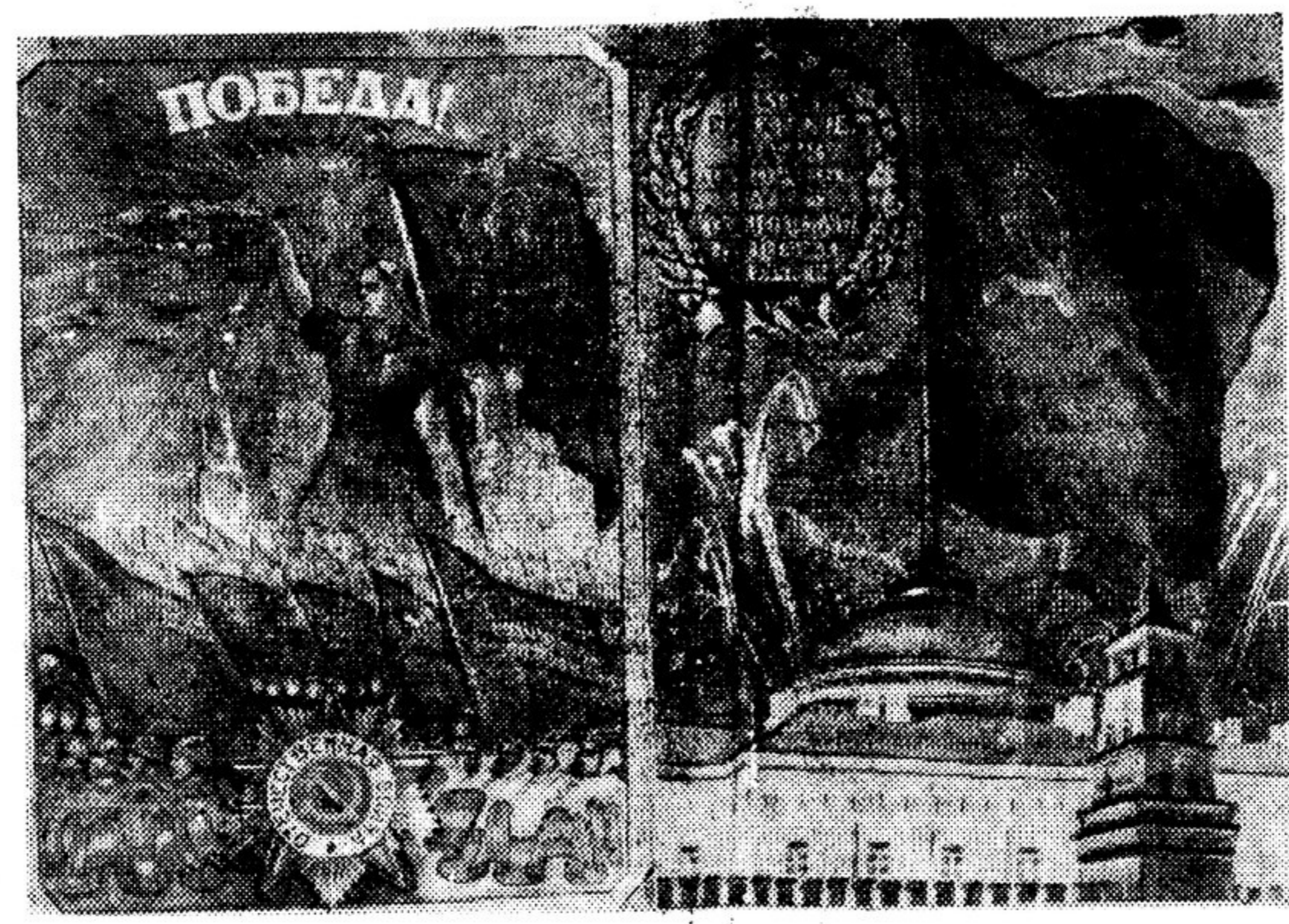
28 мая в клубе ССП состоялась теплая прощальная встреча советских писателей с уезжающим на родину известным датским писателем Мартином Андерсеном Нексе. На вечере присутствовали Н. Тихонов, К. Федин, Л. Леонид, С. Михалков, М. Аппетин, М. Рыльский, Нанри Зарьян, Улуг-Заде, С. Муканов, Б. Кербаев и др. Перед отъездом Мартин Андерсен Нексе обратился к советским писателям со следующим письмом:

«Дорогой товарищ и коллега Тихонов! Я хотел бы перед своим отъездом поблагодарить вас и при вашем посредстве — советских писателей за гостеприимство, оказанное мне и моей семье в столь тяжелые для нас времена.

Русский народ пережил подлинно гуманистическое возрождение, которое придает ему непреодолимую силу, а сознание неисчерпаемости своей силы делает людей шедарми и великодушными. Эти качества советского народа мы почувствовали в полной мере. Большое вам спасибо! Примите выражение моего восхищения советскими коллегами, с таким мужеством участвовавшими в гигантской борьбе, в которой решался вопрос о существовании Советского Союза и тем самым о будущем всего человечества. Сعادенный вам привет! Желаю всего наилучшего авангарду человечества — советскому народу! Преданный вам Мартин Андерсен НЕКСЕ».

АРХИВ А. М. ГОРЬКОГО

После четырехлетнего отсутствия вернулись в Москву из эвакуации и возобновили работу архив А. М. Горького Института мировой литературы. Одна из основных его задач — облегчить научную работу над творчеством Горького и, в частности, помочь Институту мировой литературы в издании сочинений Горького. Архив подготавливает к печати четыре тома неопубликованных произведений Горького. В одном из них собраны отрывки из незаконченных художественных произведений писателя. В архиве хранится 75 тысяч документов, в их числе эпистолярное наследие Горького (среди писем много неопубликованных), рукописи художественных, публицистических произведений, письма к Горькому виднейших писателей, художников, общественных деятелей, рукописи писателей с правкой Горького. Большой раздел в архиве занимает библиографический материал: воспоминания современников, протоколы жандармских допросов Горького.

Плакаты художников М. Нестерова и А. Кокоркина, выпускаемые издательством «Искусство».

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС Весна

Сосны, березы, черешни. Ветер с листвою говорит. Первое молнией весной Юное сердце горит.

Нес бы я землю родную, Пахнувшую смолой. А на березах — скворешни, В воздухе бродит вей. Первое молнией весной Сердце обождено.

Перевела с литовского С. МАР.

Костас КОРСАКАС Земля поет

Тоскливо и больно бродит мне весной По серым полям, опаленным войной, Хоть нету милее розиных полей, С зелеными иглами тонких побегов.

И зной, наполняющий чашу земли, И музыка леса, что льется вдали, Лесные ручьи, как сплетение жил, Надежды, которыми мучился, жил,

Роняет бесцветное небо росу, Прозрачные капли дрожат на весу, И словно родится, бьющий жизнью живой, Мерцает поляна зеленой травой.

И радость и гордость за нашу страну Сливается в светлую песню одну. Когда прожужжит прохладной весной По серым полям, опаленным войной.

И кажется мне, что, траву шевеля, Поэт эту песню родная земля.

Перевела с литовского С. МАР.

КНИЖИ И ЧИТАТЕЛИ

Сорок директоров библиотек Москвы, автономных республик и областей РСФСР съехались на совещание, созванное издателем 28 мая. Приехавшие из Ростова и Свердловска, из Дагестана и Бурятии, Монголии, из Кургана и Вологды, Архангельска и Смоленска рассказали об опыте работы, о том, как живет книга среди читателей.

Директор Гослитиздата Ф. Головенченко, открывая собрание, дал обзор вышедших издательством книг, назвав наиболее значительные произведения: «Холодные по мукам», «Порт-Артур», «Народ бессмертен», «Емельян Пугачев», «50 лет в строю», прозу и лирику К. Симонова, романы С. Сергеева-Ценского, сборники стихов лучших поэтов и т. п. Ф. Головенченко поздравил собравшихся и с планом на 1945 год.

Гослитиздат намерен выпустить 13 однотомников русских классиков: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Грибоедова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Тургенева, Толстого, Горького, Чехова, Лескова и Блока, одностомники критики — Белинского, Добролюбова, Плеханова и Аполона Григорьевича.

Современная литература будет представлена лучшими произведениями советских и зарубежных авторов: переводятся «Тихий Дон» М. Шолохова, «Петр I» Алексея Толстого, «Емельян Пугачев» и «Угромы» В. Шшикова, «Педагогическая поэма» А. Макаренки, «Капитан первого ранга» А. Новикова-Прибоя, четвертый том «Войны» И. Эренбурга, «Годы войны» В. Гроссмана, «Два капитана» В. Каверина и др., а также одностомники избранных произведений Фурцева, Толстого, Сергеева-Ценского, Тихонова, Леонова и Пастернака, Симонова, Сельвинского, Антокольского, Прокофьева, Демьяна Бедного, иллюстрированные пародии Архангельского и др.

Обширно будет представлена в издании текущего года и литература народов СССР. — Однако, — заключает Ф. Головенченко свое выступление, — сколько бы мы ни издали книг, мы не удовлетворим читательского спроса, хотя в этом году у нас в шесть раз больше бумаги, чем в прошлом. Мы должны возможно более правильно и экономно расходовать свои бумажные фонды. И в этом должны помочь нам участники совещания, представляющие широкие читательские массы.

Выступившие на совещании директора библиотек тт. Хузе (Курган), Офицеров (Саратов), Акимова (Ярославль), Нароваткина (Калинин), Шатилова (Бурятия-Монголия) и др. при полном соучастии зала сетовали на то, что библиотеки нехватает книг. Читательский спрос необычайно велик. На каждую малую библиотеку приходится по нескольку тысяч читателей. Число читателей растет с каждым годом. Организация читательских конференций часто затруднена из-за недостаточного количества экземпляров книг. — Мы знаем, — говорит тов. Хузе, — что тиражи наших изданий огромны по сравнению с зарубежными и нашими дореволюционными тиражами, но и этого не хватает. Поэтому особенно важно установить первоочередность важнейших изданий русской и западной классики и произведений современных писателей. — Очень откровенно, — подчеркивает тов. Офицеров, — что Гослитиздат предполагает выпустить ряд одностомников. Но этот тип издания хорош для читальных залов, а для выдачи по абонементам удобнее издавать произведения классиков отдельными выпусками, в частности романы Льва Толстого, Тургенева, Гончарова. Было бы желательно возродить серию исторических романов, и необходимо передать «Чингиз-хан» и «Баты» Яна, «Богатство» Сусиму, «Дмитрий Донской» Бордюна, «Новикова-Прибоя».

Большое внимание выступавшие уделили вопросу оформления книг. Книжки без переплетов почти не живут в библиотеках. После десяти читателей книжка распадается на разрозненные листы и выходит из обращения. Необходимо повысить культуру оформления книг: выпускать классическую литературу иллюстрированной, исторические произведения — снабженными документальными иллюстрациями. Тов. Нароваткина (Калинин) считает, что при комплектовании библиотек необходимо учитывать особые нужды библиотек, находящихся во временно оккупированных областях. Тов. Шатилова (Бурятия-Монголия) отмечает необходимость увеличения изданий художественной литературы в помощь научной литературе партии («Жизнь Клима Самгина», «Мать» Горького, «Хлеб» Алексея Толстого и др.).

В издательстве художественной литературы «ВАНП» за полгода вышло около сорока книг. Среди произведений Андрея Унитца «Спартак» (историческая трагедия), «Путешествие Вилланта на Восток», повесть о приключениях мальчика, эвакуированного в глубокий тыл Советского Союза, и исторический роман «Зеленая земля». Выпущены также сборник новелл Вилса Лауса (большинство из них повествует о жизни немцев оккупации в Латвии), его повесть «Узники будущего» — о латышской дивизии, а также трехактная пьеса «Невестка» — первая большая латышская советская пьеса на современном тему.

Недавно на книжном рынке появился сборник рассказов Анны Саксе. Тема одного из рассказов — «Мирный житель» — жизнь и гибель трусливого обывателя, который, желая сохранить свою жизнь, становится предателем. Новый издан сборник стихов Эдуарда Венденбаума — крупного революционного поэта 90-х годов прошлого столетия. Выпущено полное собрание стихотворений Леона Пагале — представителя революционного романтизма в латышской поэзии. В ближайшее время выйдет в свет сборник избранных стихов заслуженного деятеля искусств Яниса Судрабальса, стихи Александра Чака, Яниса Грота, Владаса Гревина, Фрициса Рокпелниса, Арвила Грингула, Юлиана Ванаса (баллады), Мейнхарда Рудзита и Мирдыс Кемпе.

Подготавливается двухтомная «История латышской литературы». Первый том (фольклор и зачатки письменной литературы) написан Янисом Ниедрем. Второй, посвященный истории латышской литературы, включая советский период, — Андреем Унитсом.

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ Ф. БОГУШЕВИЧА МИНСК. (От наш. корр.). Государственное издательство БССР включило в план на 1945 г. избранные произведения классика белорусской литературы Ф. Богушевича. Богушевич одним из первых внес в белорусскую литературу живое народное слово. Имя Богушевича пользуется большой популярностью. В сборник включены лучшие произведения поэта. Каждому разделу сборника будут предпосланы статьи-предисловия, написанные в свое время Ф. Богушевичем.

НАВСТРЕЧУ ПОБЕДЕ СТАЛИНАБАД. (От наш. корр.). ССП Таджикистана подготовил к печати на русском языке альманах «Навстречу победе». В альманах вошли новые произведения таджикских и русских писателей, работающих в Таджикистане. В альманах включены стихи Садреддина Алии «Город-герой» (О Ленинграде), Турсун-Заде «Возвращение героя», лирические стихотворения Рахими Дехоти, Сухайли, Миршакера, Боки Рахима, Д. Молдавского, Т. Казимичевой и Алды Кирилловой (переводы с таджикского — Молдавского, Серпуховой и др.). В отделе прозы — рассказы и сказки Икрами, Клавдии Улуг-Заде, Татьяны Казимичевой. Драматургия представлена отрывками из пьес «В огне» Сатыма Улуг-Заде и «Спрятанный кабылер» Морева (перевод с таджикского М. Казимичевой). В отделе критики статьи: «Некоторые проблемы литературы Советского Таджикистана», «Фольклор советского Таджикистана» и др.

ПЕСНЯ ОБ АДМИРАЛЕ НЕВЕЛЬСКОМ ХАБАРОВСКОЕ. (От наш. корр.). Имя неутомимого исследователя Геннадия Ивановича Невельского не раз привлекало внимание русских литераторов. Адмирал Невельский впервые поднял государственный флаг России в устьях Амура и тем заложил за нашей родной Тихоокеанское побережье нашего материка; он доказал существование Амура в низовьях и разбил утверждение географов его времени, что Сахалин — это полуостров. Владивостокские писатели тт. Александр Горшков и Мельник написали пьесу «Тайна Амура», главным действующим лицом которой является Г. Невельский. «Тайна Амура» была передана сектором литературного вещания Хабаровского радиокомитета в исполнении артистов театра Тихоокеанского флота, принявшего эту пьесу к постановке.

То советской СТРАНЕ

В КОЛХОЗЕ ИМЕНИ ПУШКИНА

ГАТЧИНА (Ленинградская область). Недавно в колхозе им. Пушкина было большое торжество: в местном клубе, носившем имя поэта, началось чтение цикла музыкально-литературных лекций. Первую лекцию о жизни и творчестве Пушкина читал проф. Городецкий. В клубе собрались молодежь и старики, пришедшие с полей, из мастерских, с ферм колхоза. С интересом слушали они лектора. Затем артисты театра оперы и балета имени Кирова и Областной филармонии исполняли арии из опер Глинки и Чайковского на пушкинские сюжеты, читали произведения великого поэта.

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ ЮЛИИ ЖЕМАЙТЕ

ВИЛЬНОНС. 12 июня исполняется 100-летие со дня рождения классика литовской литературы народной писательницы Юлии Жемайте. Для подготовки и проведения юбилея Ю. Жемайте создан комитет под руководством председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкиса. Совнарком Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы решили соорудить в Каунасе памятник Юлии Жемайте для студентов историко-филологических факультетов Вильнюсского и Каунасского университетов. Государственным издательству и правлению Союза советских писателей Литвы поручено выпустить в 1945—1946 г.г. сборник избранных произведений и полное собрание сочинений Жемайте на литовском, русском и других языках народов СССР.

Литературный институт Академии наук Литовской ССР подготавливает выставку, посвященную Жемайте. Театры республик готовятся к постановке ее пьес. В Вильноне, Каунасе и других городах республики состоятся юбилейные собрания. В университетах, гимназиях, школах, на предприятиях республик, в селах организируются литературные вечера.

НОВЫЕ ЛАТЫШСКИЕ КНИГИ

РИГА. (От наш. корр.). В издательстве художественной литературы «ВАНП» за полгода вышло около сорока книг. Среди произведений Андрея Унитца «Спартак» (историческая трагедия), «Путешествие Вилланта на Восток», повесть о приключениях мальчика, эвакуированного в глубокий тыл Советского Союза, и исторический роман «Зеленая земля». Выпущены также сборник новелл Вилса Лауса (большинство из них повествует о жизни немцев оккупации в Латвии), его повесть «Узники будущего» — о латышской дивизии, а также трехактная пьеса «Невестка» — первая большая латышская советская пьеса на современном тему.

Недавно на книжном рынке появился сборник рассказов Анны Саксе. Тема одного из рассказов — «Мирный житель» — жизнь и гибель трусливого обывателя, который, желая сохранить свою жизнь, становится предателем. Новый издан сборник стихов Эдуарда Венденбаума — крупного революционного поэта 90-х годов прошлого столетия. Выпущено полное собрание стихотворений Леона Пагале — представителя революционного романтизма в латышской поэзии. В ближайшее время выйдет в свет сборник избранных стихов заслуженного деятеля искусств Яниса Судрабальса, стихи Александра Чака, Яниса Грота, Владаса Гревина, Фрициса Рокпелниса, Арвила Грингула, Юлиана Ванаса (баллады), Мейнхарда Рудзита и Мирдыс Кемпе.

Подготавливается двухтомная «История латышской литературы». Первый том (фольклор и зачатки письменной литературы) написан Янисом Ниедрем. Второй, посвященный истории латышской литературы, включая советский период, — Андреем Унитсом.

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ Ф. БОГУШЕВИЧА МИНСК. (От наш. корр.). Государственное издательство БССР включило в план на 1945 г. избранные произведения классика белорусской литературы Ф. Богушевича. Богушевич одним из первых внес в белорусскую литературу живое народное слово. Имя Богушевича пользуется большой популярностью. В сборник включены лучшие произведения поэта. Каждому разделу сборника будут предпосланы статьи-предисловия, написанные в свое время Ф. Богушевичем.

НАВСТРЕЧУ ПОБЕДЕ СТАЛИНАБАД. (От наш. корр.). ССП Таджикистана подготовил к печати на русском языке альманах «Навстречу победе». В альманах вошли новые произведения таджикских и русских писателей, работающих в Таджикистане. В альманах включены стихи Садреддина Алии «Город-герой» (О Ленинграде), Турсун-Заде «Возвращение героя», лирические стихотворения Рахими Дехоти, Сухайли, Миршакера, Боки Рахима, Д. Молдавского, Т. Казимичевой и Алды Кирилловой (переводы с таджикского — Молдавского, Серпуховой и др.). В отделе прозы — рассказы и сказки Икрами, Клавдии Улуг-Заде, Татьяны Казимичевой. Драматургия представлена отрывками из пьес «В огне» Сатыма Улуг-Заде и «Спрятанный кабылер» Морева (перевод с таджикского М. Казимичевой). В отделе критики статьи: «Некоторые проблемы литературы Советского Таджикистана», «Фольклор советского Таджикистана» и др.

ПЕСНЯ ОБ АДМИРАЛЕ НЕВЕЛЬСКОМ ХАБАРОВСКОЕ. (От наш. корр.). Имя неутомимого исследователя Геннадия Ивановича Невельского не раз привлекало внимание русских литераторов. Адмирал Невельский впервые поднял государственный флаг России в устьях Амура и тем заложил за нашей родной Тихоокеанское побережье нашего материка; он доказал существование Амура в низовьях и разбил утверждение географов его времени, что Сахалин — это полуостров. Владивостокские писатели тт. Александр Горшков и Мельник написали пьесу «Тайна Амура», главным действующим лицом которой является Г. Невельский. «Тайна Амура» была передана сектором литературного вещания Хабаровского радиокомитета в исполнении артистов театра Тихоокеанского флота, принявшего эту пьесу к постановке.

ВЫСТАВКА ИНОСТРАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Фундаментальная библиотека среднеазиатского государственного университета в Ташкенте обладает ценным фондом иностранной научной литературы, в том числе и книгами по литературоведению. Здесь издания, приобретенные по подписке и полученные в порядке обмена. Обмен происходит с 500 научными обществами и организациями за границей. На выставке, открытой недавно, экспонируются издания, вышедшие на английском языке в странах Британской империи — книги Королевского общества, Ливинского, математического, физического, химического общества и других лондонских научных организаций. Много изданий Бирмингемского философского общества и Манчестерского Египетского общества. Среди изданий Канады обращает на себя внимание серия монографий, изданных горным департаментом. Рядом трудов представлена Австралия; выставлены работы ученых Индии, издания университетов Калькутты, Дели, Мадраса и пр. Выставка вызвала большой интерес у писателей и научных работников Ташкента. В ближайшее время будет организована выставка литературы и на других языках.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ЧЕБОКСАРЫ. (От наш. корр.). Кафедра чувашского языка и литературы Государственного педагогического института Чувашии недавно провела широкую научную конференцию, посвященную 30-летию со дня смерти выдающегося чувашского поэта К. Ильясова. На конференции прочитаны доклады — «Константин Иванов и русская литература» (доцент И. Суятгин), «Язык поэмы «Нарспи» (доцент С. Горский). С воспоминаниями о К. Ильясове выступила преподавательница института Е. Римова. В ближайшее время в институте будут проведены доклады по вопросам чувашского языка, чувашской, русской и мировой литературы.

РАССКАЗЫ О ДАЛЕКОМ

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.). Детиздат Грузии выпустил книгу Давида Сулиашвили «Рассказы о далеком». Автор описывает общественную и политическую жизнь Гори в последнее десятилетие прошлого века, горькое духовное училище и тифлискую духовную семинарию. Рассказы носят мемуарный характер. В них рисуются отдельные эпизоды из юношеских лет товарища Сталина.

ОБЛАСТНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ

ПЕНЗА. (От наш. корр.). В Пензенской области находятся мемориальные музеи М. Ю. Лермонтова (в селе Тарханы, Чембарского района) и В. Г. Белинского (в городе Чембары). Недавно бюро Пензенского облисполкома ВКП(б) обсуждало работу этих музеев. Музей М. Ю. Лермонтова находится в усадьбе бабушки поэта Е. А. Арсеневой. Сохранился дом Арсеневой, парк. В образцовом порядке содержится могила поэта. Музей В. Г. Белинского развернут в доме семьи Белинских, реставрация которого закончена уже в годы войны.

Бюро облисполкома ВКП(б) постановило реставрировать в 1945 году здание Чембарского уездного училища, в котором учился Белинский. В селе Бельны, где жил предок Белинского, решено организовать постоянную выставку, посвященную жизни и деятельности великого критика.

В этом году будет также открыт мемориальный музей на родине А. Н. Радищева — в селе Верхнее Аблязово Кузнецкого района.

ТУРКМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

АШХАБАД. (От наш. корр.). На заседании правления Союза писателей ТССР обсуждался план альманаха «Туркменстан в Отечественной войне». Альманах на русском и туркменском языках будет выпущен Туркменстаном в 1945 году и должен показать героев туркменского народа — участников Великой Отечественной войны, и лучших людей тыла. В книге будет помещено более пятидесяти очерков-биографий. К работе привлечены все писатели и журналисты Туркмени.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ И ХАФИЗ ТАДЖИКИСТАНА

КУЛЯБ. (От наш. корр.). Общественность широко отметила 25-летие творческой деятельности своего выдающегося земляка народного поэта и хавиба республики Саид Али Вали-Заде. На торжественном вечере, организованном Горсоветом, ответственным секретарь ССП Таджикистана поэт Дехоти сделал доклад о творчестве Вали-Заде. После доклада состоялся концерт, на котором была поставлена пьеса юбиляра «Ахмат и Барне». Вечер закончился выступлением Вали-Заде, прочитавшего свои новые стихи.

Плакат художника В. Климашина, выпускаемый издательством «Искусство».

Подарок туркменских писателей писателям Москвы

В Ашхабаде соткан ковер-портрет А. М. Горького. Два с половиной месяца работали над его изготовлением мастерацы Оразгуль Керимова и Отага Бабаева. Эскиз портрета художника Е. Крылова. Размер полотна — 1,6 кв. метра. Ковер-портрет сделан по заказу правления Союза писателей ТССР в подарок московским писателям. Под изображением А. М. Горького слова: «Писателям Москвы от писателей Туркменистана».

Митинг работников культуры в Праге

ПРАГА. (ТАСС). В Праге состоялся большой митинг работников культуры. Тысячи учителей, артистов, писателей, журналистов, студентов заполнили огромный зал «Люцерна». С речами выступили министр народного просвещения профессор М. Гурко и директор культуры Я. Коцек. Неудли и министр информации собрания, Министр Неудли под аплодисменты собравшихся заявил, что первой и основной задачей работников культуры является защита своих интересов от изменников и приспособленцев фашизма. Чехословацкая интеллигенция должна занять первое место в борьбе за новую подлинно демократическую республику. Министр Коцеккий сообщил митингу, что руководители важнейших отделов министерства информации назначены известные поэты и писатели — Францишек Галас, Витислав Незвал и Иван Ольбрахт. От советских писателей и работников культуры участников митинга приветствовал Константин Симонов, прочитавший стихи о Сталинграде.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ Подвиг ежедневный

Умер Демьян Бедный... Этому не хочется верить. Трудно привыкнуть к мысли, что никогда больше мы не увидим его знаменитую фигуру...

Мы знали, что он болен, но никто и никогда не видел его печальным и унывающим. Даже свои немощи он старался поберечь крепкой шуткой и острым словом.

Русская советская поэзия потеряла одного из своих основоположников и защитников, поэта-гражданина, бойца и агитатора.

Творческая работа Демьяна Бедного продолжалась свыше 35 лет, его образ символизировал собой живую связь предельно поэтической русской гражданской поэзии с поэзией советского периода.

Самым ярким периодом в его жизни и работе был период становления советской власти, период гражданской войны.

Полные гражданской эпохе патристические поэмы, боевые песни и поэтические гимны, остроты сатирических фельетонов, метко бьющие колоритные басни, написанные замечательным русским разговорным языком, агитационные листовки, лозунги, подписки к плакатам, эпиграммы — трудно перечислить все, что вышло тогда из-под пера Демьяна.

Красноармейцы и красноармейцы того времени писали Демьяну: «Прощи нам про это, товарищ Демьян, нам про это пишут, да мы не можем поберечь. А ты напишешь — мы пойдем, потому — у тебя выговор приятный».

Этот «приятный выговор» помогал Демьяну Бедному привлекать к работе Красной Армии обманутых белогвардейцами солдат (послание «Обманутым братьям») и этот «приятный выговор» пользовался Демьян, стараясь разбить у красноармейцев чувство страха перед первыми белогвардейскими танками («Ванька-Танка»); благодаря этому «приятному выговору» офицеры, они пришли отдать последний долг талантливому поэту, они произвели его захоронение в Сталинграде до Берлина.

Траурное собрание открывается речью Н. Тихонова. От имени редколлегии «Правды» выступает А. Сиротин. С прочувствованными словами о Демьяне Бедном — художнике и трибуне выступают Вс. Вишневский, В. Лебедев-Кумач и О. Литовский.

Траурное собрание окончено. В 18 часов гроб с телом Демьяна Бедного выносятся из зала в часовую часовню крематория. Здесь с речью выступили С. Васильев и Б. Горбатов. Траурная мелодия сменяется звуками «Интернационала» — гимна, символизирующего бессмертие великого дела, за которое боролся Демьян Бедный.

27 мая, в 6 часов вечера, на кладбище Новодевичьего монастыря урна с прахом Демьяна Бедного была захоронена рядом с могилами Вячеслава Шшкова и Алексея Толстого.

Звучат траурные мелодии. Сменяя друг друга в торжественном карауле становятся Н. Тихонов, И. Эренбург, Вс. Вишневский, С. Михалков, С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, С. Шипачев и др. Траурную вахту у гроба несут бойцы и

Господину Кеменову В. С. Председателю Всесоюзного Общества Культурной Связи с Заграницей Москва.

Прошу принять от меня выражения искреннего соболезнования по поводу кончины выдающегося русского писателя Демьяна Бедного (Придорова) Ефима Алексеевича).

Москва, 26 мая 1945 г. ФУ БИН-ЧАН, Посол Китайской Республики.

Вместе со всеми писателями нашей страны мы глубоко скорбим о смерти Демьяна Бедного — большого поэта, стойкого борца против фашистского мракобесия — за торжество свободы, за счастье человечества.

Союз писателей Армении

ру» он делал самые сложные международные темы ясными и понятными любому бойцу.

Так воевал стихом поэт-боец Демьян Бедный. И не удивительно, что именно он первым из русских писателей удостоился высокой чести: в апреле 1923 г. правительство наградило его орденом боевого Красного Знамени.

Сейчас, когда вся наша литература до основания дошла до истоков Великой Отечественной войны и сплотившаяся своим оружием дала победы, мы с уважением и благодарностью склоняем головы к могиле нашего первого боевого орденоносца.

Демьян Бедный многому научил молодое поколение наших боевых поэтов и прежде всего научил их уменью быть всегда внутренне мобилизованными. Он был первым и лучшим учителем для всех поэтов-агитаторов, поэтов-газетчиков. Он был зачинателем и заповедником массовой советской песни. (То не помнит его песен «Как родная меня мать провожала» и «Нас побить, побить хотели» песен, которые широко «запустил» завет советский народ Демьян был одним из первых деятельных сотрудников сатирического журнала «Крокодил», возникшего в 1922 году, и советские поэты-сатирики по праву считают его, наряду с В. Маяковским, своим заступником и учителем.

Проникновенные стихи Демьяна Бедного, посвященные В. И. Ленину, до сих пор являются прекрасными образцами стихов о нашем великом вожде. И наконец, советская эстрада также многим обязана Демьяну Бедному, потому что именно его стихи, фельетоны и басни впервые стали читать со сцены наши актеры.

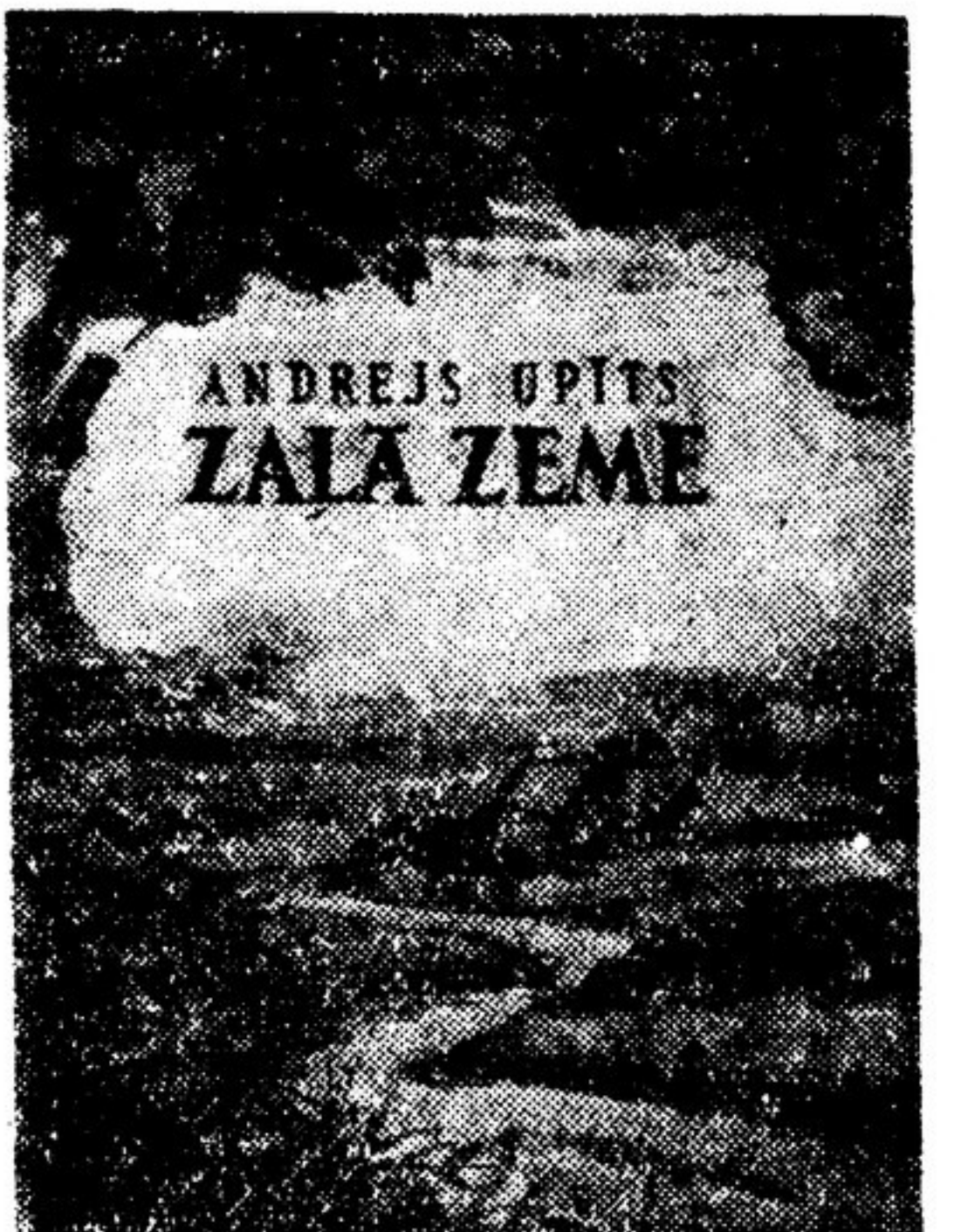
«Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный», — так писал Демьян Бедный в одном из своих ранних стихотворений («Мой стих»).

И этому девизу он оставался верным всю свою жизнь. До революции, в дни Октября, в годы гражданской войны, в период мирного строительства, и во время Великой Отечественной войны — всегда поэт-боец Демьян Бедный был на своем посту, всегда готов был обрушиться на врага своим метким словом, всегда готов был в свой ити за великие идеи Ленина — Сталина, за нашу большевистскую правду.

До самых последних дней появлялись в газетах его стихи, и «Окна ТАСС» еще не успели выпустить последнего плаката с его надписью: «Великий талант и мастер стихотворной русской речи, агитатор и трибун, сатирик и фельетонист, баснописец и песенник — Демьян Бедный умер, как солдат с ружьем в руках, озаренный солнцем Победы».

В своем стихотворении «Братские могилы» он писал: «Бойцы, ераженные в бою, Мы и вечно отошли. Но ты еще в строю. Ипотененная огня и пролетарской силы. Так стой же до конца за власть и честь свою, За пролетарскую великую семью. За наши братские могилы!»

Эти стихи звучат, как зовет всех нам — советским поэтам различных поколений.

Обложка романа Андрея Уппитса «Зеленая земля», вышедшего недавно в Риге на латышском языке.

Книга о Короленько

ГОРЬКИЙ. (От наш. корр.). На очередном «литературном вторник» горьковских писателей в Доме Красной Армии один из старейших горьковских литераторов А. Д. Гриневича читала отрывки своей новой работы «Жизнь и деятельность В. Г. Короленько в Нижнем Новгороде».

Автор — 90 лет и ирвы волжского города 80—90 годов. Показывает различные социальные слои нижегородцев: купцов, дворян, демократическую интеллигенцию и роль В. Г. Короленько в активной общественной, прогрессивной жизни города.

Второй лермонтовский том

«Литературного наследства»

Находится в печати и скоро выйдет в свет второй лермонтовский том «Литературного наследства».

В первом томе, вышедшем в годы войны, были помещены исследования работы, посвященные жизни и творчеству поэта. Физическое содержание второго тома образуют новые документально-токовые материалы. В работе К. Михайлович оценивается вопрос об окончательной редакции «Демьяна», который до последнего времени считался не установленным. Недавние письма Лермонтова к А. М. Гоголю, А. И. Тургеневу и А. И. Философову позволяют считать, что окончательная редакция Лермонтова — это не окончательная редакция Лермонтова, а редакция Лермонтова.

Следующий раздел тома содержит работы, посвященные отдельным вопросам биографии и творчества Лермонтова. Статьи Л. Гриневича «Литературное наследство Лермонтова» и «Лермонтов и Пушкин» посвящены биографии и творчеству Лермонтова. В исследовании С. Лурьева «Лермонтов и Врубель» говорится о привнесении Врубеля на лермонтовские стихи.

Последний раздел тома посвящен воспоминаниям современников о Лермонтове и письмам. Здесь приведены не только письма Лермонтова к А. А. Арцыбашеву, но и новые материалы из архива родственника поэта философов, новые документы о жизни и смерти Лермонтова — документальное свидетельство, два письма А. Булгакова к И. Вяземскому и письмо И. Молчанова к В. Паскеву.

Том богат иллюстрациями. Воспроизводятся также 30 зарисовок и рисунков Лермонтова. Публикуются иллюстрации к произведениям поэта, зарисовки театральные постановки, изображения лермонтовских мест и т. д. Обложка тома — из ценных листов.

НА СНИМКАХ: неопубликованные рисунки М. Лермонтова, хранящиеся на старопольской бумаге (май, 1837 г.).

Эти годы русская проза шла во главе брацких литераторов. Кроме упомянутых выше произведений, русские писатели дали публицистические статьи и талантливые очерки, проникнутые высоким поэтическим чувством. Имена А. Толстого, М. Шолохова, Л. Пастернака, И. Эренбурга, М. Булгакова, Л. Лермонтова, С. Голованова и Е. Кригеря известны каждому бойцу на фронте и каждому труженнику в тылу. В общем хор советской публицистики звучал и голоса грузинских писателей — Г. Кикодзе, К. Гамсахурдиа, Ш. Дадиани и многих других.

Очерк играет существенную роль в грузинской литературной жизни, но все же не может заменить романа или повести. Сейчас появляются новые рассказы Лео Кичаели, С. Кладичаши, А. Кутателадзе, Демна Шенгелая; А. Белиашвили печатает новый роман о борьбе нашего народа с гитлеровскими ордами на полуострове Кавказе. Той же теме посвящен роман Солломова Тавале. В прошлом году А. Белиашвили напечатал первую часть исторического романа «Жизнь Бесика Габашвили», привлекающую внимание читателей прозрачным стилем и прекрасным историческим колоритом. Основное же, что радует нас в этом романе, — проникновенная идея дружбы народов. В «Жизни Бесика Габашвили» показана тяга грузинского народа к России во второй половине XVIII столетия и раскрыты исторические корни братства наших народов.

Отечественная война по-новому осветила тему стальной дружбы народов, ее исторические основы. Народы Советского Союза скрепили свою дружбу кровью, пролившей на полях битв против фашизма.

Грузинские поэты и прозаики показали конкретные случаи выражения этого чувства дружбы народов. Вот почему героизм советских воинов Мылакова и Шаламберидзе, павших в первые дни войны, записанную одну из высот Украины, воздвигнул почти всех наших поэтов. Этим героем посвящены стихи Г. Кичаели, К. Каладзе, Х. Вардашвили, Э. Горгалдзе, А. Лесни Р. Гатадзе на ту же тему поются по всей Грузии. А. Манганиси посвятил теме дружбы народов немало стихотворений и поэму «Клятва». Дружба украинского и грузинского народов по-

Еще так свежи в памяти времена, когда для того, чтобы написать поближе познакомился с жизнью страны и народа, устраивались так называемые «творческие командировки».

Но как эти времена от нас далеки! Мы можем с полной ответственностью сказать, что весь период Великой Отечественной войны литература наша без всяких творческих командировок провела с народом и среди народа, переживая с ним трудности, невзгоды и радости. А быть с народом — это значит приспосабливаться к земной жизни, к житейским будням, без которых немемисла реалистическая литература не может существовать ни в литературе и в жизни, ни в литературе и в жизни, ни в литературе и в жизни.

И окрестки этой героической жизни, как она сама, живыми людьми, хорошими, простыми, — теми солдатами Красной Армии, которые победили в этой беспримерной войне.

Книжка полна прелестных подробностей, но главная ее удача, быть может, в каком-то особом писательском такте.

Мальчик, будучи героем повести, занимает в ней скромное и надлежащее место. Он — лирический, а не исторический центр книги о войне.

И поэтому, несмотря на то, что, читая повесть, мы чаще всего смотрим вокруг глазами этого мальчика, любящего вместе с ним в ярком башлыком и черной кубковкой кавалериста, то пушечками на артиллерийских догонах, то настоящими пытками в натуральную величину, — война ни на минуту не кажется нам обставленной фоном для условного детского спектакля, как это часто бывает в повестях, и не только детских.

Мальчик изображен во весь рост, но он не заключает собой войны и тех серьезных человеческих отношений, которые складываются на фронте.

Катаев несколько не ценолет фронтовым жаргоном, а уж если и ловит словечко, то вовремя и к месту.

Вот первый разговор мальчика с разведчиками, испытанными мастерами разведки: — Я, дяденька, — маленький. Я всюду пролезу. — С радостной готовностью сказал Ваня. — Я здесь вокруг каждого куста знаю.

— Это и дорого, — серьезно отвечает разведчик.

Читатель с хорошим слухом непременно уловит и оценит благородную тонкость интонации этих трех простых слов: «Это и дорого». Тут и мужская густота голоса, и спокойная уверенность, которая сразу обнаруживает, что говорит специалист, и тот оттенок поощрительного уважения, с каким умный взрослый разговаривает с ребенком. Это и дорого!

Я так подробно останавливался здесь на небольшой повести Катаева отнюдь не потому, что считаю ее «Войной и миром» нашего времени. Война у нас позади, а мир со всеми своими сложностями и трудностями еще впереди.

Повесть Катаева радует своим здоровьем, как может радовать хороший, красивый в своей нормальности ребенок.

За последнее время мы прочли довольно много повестей и рассказов о детях в войне. Что отличает их от повести Катаева? В большинстве этих книжек героями являются тоже дети — сироты войны, совершающие подвиги или переживающие сложные события.

Вот, например, в повести Копыленко «Солнце» есть, казалось бы, все основания для упрека. Трудно придумать положения более острые и драматические, чем те, которые лежат в основе книжки.

Маленький деревенский мальчик Гордей живет в землянке со своей старой, больной бабушкой. Деревня их занята немцами, хата сожжена. Родные убиты. Мальчик героически несет все трудности этой страшной жизни, да при этом еще с беззаветной смелостью прячет у себя в землянке раненого командира и делится с ним последним куском. Этому мальчугану сдается в плен солдат немецкой армии — чех, и мальчик сам передает своего пленника Кавказе. А тут, когда первые еще отряды выбывают немцев из деревни.

Во время этих событий умирает бабушка мальчугана, и он остался бы совсем один на свете, если бы раненый командир не заявил о своем желании усыновить своего маленького спасителя.

Уж, кажется, трудно найти сюжет более трогательный по самому существу своему.

Местами у Копыленко находят и какие-то точные и нежные слова, соответствующие его литературной задаче, — скажем, там, где мальчик спрашивает бабушку, жива ли она еще, и очень просит ее не умирать.

Но таких мест, к сожалению, не слишком много.

Тянь повести редковата, и от этого сюжет, такой правдоподобный в наше время, кажется подчас искусственным, приукрашенным. Достаточно было автору ввести в повесть приподнятый до художественности разговор мальчика Гордея с солнцем, чтобы скомпанетировать правдивость и убедительность фабулы.

Копыленко — талантливый, искренний и опытный писатель, и поэтому мы вправе задать к себе и ему вопрос: чего, собственно, нехватало ему для того, чтобы его «Солнце» и в самом деле грегло?

Чему такой трагический, взятый из самой жизни сюжет позволил стать привычным и не слишком глубоким рассказом? Почему, читая самые

грустные страницы книжки, даже заране угадываешь благополучную развязку, как это бывает в святочных рассказах?

Ведь вот удалось же Катаеву, при всем оптимизме его повести, тоже обещавшей (но как-то очень осторожно и неуловимо) благополучную судьбу героя, избежать «святоточности, пошлости, сентиментальности. Чем это достигнуто? Прежде всего, отсутствием служебных мест, богатых ских мостков, и т. д. и т. д. от злонада к злонаду. На каждую минуту что не ожидано, говорит разными голосами.

Начало повести, как и начало жизни, не должно быть всего только скучным вступлением, предисловием. И развязка, конечно не может быть только необходимой расплатой по всем выданным в повести векселькам. Не будем забывать о той зеленой ветке, которая так неожиданно радует нас иной раз осенью.

Такова настоящая поэтическая ткань всякой живой талантливой повести.

Жизнь не просто тянется от события к событию, она вся иррет, передается удивительным и причудливым подробностям. И на каждую минуту что не ожидается, говорит разными голосами.

Начало повести, как и начало жизни, не должно быть всего только скучным вступлением, предисловием. И развязка, конечно не может быть только необходимой расплатой по всем выданным в повести векселькам. Не будем забывать о той зеленой ветке, которая так неожиданно радует нас иной раз осенью.

К сожалению, во многих детских повестях вы не найдете ни поэтической стихии, ни разнообразия голосов, богатства, участия, глубины и подробности.

И во «взрослых» книгах всего этого не так много. А в детских и того меньше. Между тем, книжка даже не смет имеем: между детской, если в ней нет ни игры, ни тепла, ни воображения.

Часто у нас говорят: надо мириться и со «средней» книгой, если она своей темой и материалом отвечает нуждам сегодняшнего дня. В этом есть свой резон. «Средняя» книга имеет право на существование. Но нельзя мириться с книгой средней, посредственной.

Типичным образцом такой «посредственной» книжки служит повесть Н. Раковской «Малыш из Ленинграда». С этого мальчика все — как с гуся вода. Ему только 11 лет. Он первый раз расстался с матерью, которая ушла на фронт, а сам он уезжает из осажденного Ленинграда куда-то в неизвестность, в эвакуацию. Заметна ли в повести душевная тревога этого мальчика, то сматнение, которое неизбежно связано со страшным поворотом в личной судьбе героя и в судьбе его родного города?

Увы, только бледные, незапоминаемые слова наших для всего этого и писательница Раковская.

«И заплакал. Тут кто-то схватил меня за плечо. Это был вожатый Гриша... Ты чего, Юлька, — сказал он, — разнылся? Срам какой... А говорил, путешествовать любишь! — он подмигнул мне и втолкнул в вагон... «Бедная мама! — подумал я, — Когда мы опять будем вместе? Удудло под полом, колеса стучали, «уф, уф, уф» — соел паровоз. На крыльях стояли две девочки в платках. Они останутся тут?» подумал я. И мне стало жаль девочке, эрот домик, килечко. Я перестал плакать, прижался к стеклу и сказал тихо: «Где вы, фашисты! Отомстит вам за все... Раскаетесь!»

Так, без грамматических ошибок, но и без всякого воображения, без малейшего признака собственных наблюдений пишет автор обо всем: о том, как мальчик под обстрелом отстал от своего шнеда, потерял все деньги и мешок с провизией (это в такие-то времена!), о том, как он один добрался до Поволжья к бабушке и узнал, что бабушка умерла, о том, как он поехал к дяде в Коканд и узнал, что дядя признался в армии, а тетя уехала в Баку... Писательница провела своего героя через все страны в самые трудные времена героической войны и умудрилась так мало рассказать и показать на всех своих ста пятидесяти страницах.

Не жизнь, великодушная, сложная, играющая даже в трагические минуты, была перед Н. Раковской, а какие-то образчики школьных повестей, да при этом и не самые лучшие.

Я упомянул здесь всего три книги людей разного уровня, разных талантов и характеров, но книги эти показали мне достаточно выразительными в своем облике и дающими материал для заключения.

Я не думаю, что всем нам нужно читать только трагические, глубокомысленные повести, романы и поэмы. Всеми этими в литературе — короткому рассказу, в самой причудливой новелле, и фантастической сказке, и злойной шутке. Но все это может и должно быть правдиво, искренно и обогащено теми великими событиями и чувствами, которые мы пережили за эти годы. Шутка должна быть все же веселее, серьезный разговор — серьезнее.

Мы не должны мириться со «средними» книжками, средними чувствами и мыслями. Однако тут надо сделать оговорку. Рядом с пушкинскими стихами могут показаться средними стихи Кюратия Рылева. А ведь, какая это высота поэтической мысли, поэтического напряжения. В «Войновском» Рылеву вложил все, чем владел.

Я — за высокую «среднюю» книгу. Эта высокая средняя книга поддевается в литературе, что является вершиной своего времени.

ТЕМА ДНЯ И ТЕМА ИСТОРИИ

Симон ЧИКОВАНИ

Я никогда не разделял так называемую «теорию дистанции», и мы не ждали окончания войны для того, чтобы о ней писать. Сегодня наша мысль может воспарить к творческим высотам с еще большей смелостью и размахом.

Душевная жизнь советского человека не так проста, как это представляли на страницах многих наших произведений. Наша литература еще не отразила с достаточной полнотой душевного строя советского народа. Правда, за минувшие четыре года создано немало замечательных произведений, но дело честности картину нашей жизни этих лет — пока еще дело будущего.

В грузинской литературе в последние два года намечился переход от очерковой опсальности к глубокому, обобщенному восприятию жизни.

Ираклий Абашидзе написал в 1942 г. стихотворение «Кавитан Бухандзе» — близкая к фольклору, мастерски сделанная песня о патриоте, убитом в Кавказе, боем обращается к живым со страниц призывом стоять на смерть. Георгий Леонидзе в стихотворении «Зове бессмертия» коснулся той же темы. Но в их стихах, кроме песенности и пламенного призыва, есть и более глубокое психологическое раскрытие образа лирического героя. Могошвили, Ш. Алхандзе, К. Чичинадзе. Так в поэзии Отечественной войны появляются новые качества.

Нередко приходится слышать, что подлинно поэтическое слово об Отечественной войне скажет возвращавшаяся с поля боя солдатская нога. В этом положении есть зерно истины. Однако несправедливо было бы делить пишущих о войне и вообще нашу поэзию на какие-то категории, ибо в этой войне принимал участие весь Со-

ветский Союз. С поля битвы вернулся весь народ, а не то или иное поколение, та или иная область или край. Вот почему не существуют «отдельности» темы фронта и темы тыла, как не существует в отдельности психология фронта и тыла: есть характер советского человека в условиях Отечественной войны.

Вся наша литература, все писатели принимали участие в войне, и не случайно тот факт, что у старейших грузинских писателей Сандро Шанинашвили, Галактиона Табадзе, Александра Абашидзе, более молодых — А. Мишишвили, К. Каладзе, И. Абашидзе, Г. Абашидзе, и у возвращавшихся с фронта юного поэта Лебанидзе проявляются общие черты в произведениях на тему об Отечественной войне, наряду с индивидуальными особенностями каждого. Все это вовсе не означает, что у возвращавшихся с фронта молодежи нет своего поэтического голоса. Военную действительность, боевые будни молодые поэты воспринимают более непосредственно. Молодые поэты фронтовики привлекали внимание писателей общности Грузии — среди них Лебанидзе, Джангуришвили, Чимезидзе, Горганели. Но им не хватает еще глубокого проникновения в жизнь, умения сохранять интимность переживаний, обобщать явления нашей героической жизни, поэзия их часто описательна.

Во время войны с большой силой проявились малые качества советского человека, сознание исторических традиций, единство личного с общественным, самоотверженная преданность, подвижность в минуты испытаний. Отечественная война выявила и осветила все стороны характера советского человека, а литература воплотила их в более зримой, осязаемой форме. Так, Алексей Толстой показал в очерке «Русский характер» духовную красоту русского человека. Так родились новые характеры: «Молодой гвардии» А. Фадеева, Н. Тихонова, яркие образы людей в «Нашествии» Л. Леонова, а произведениях Л. Соболева, В. Гроссмана и многих других писа-

телей, так родился «Человек с гор» Лео Кичаели, рассказы К. Лорджиданидзе, роман «В горах» А. Белиашвили и новеллы Г. Натрошвили.

Понятен тот напряженный интерес, с каким читатель встречает художественно воссозданный в литературе образ возвращавшихся с фронта бойца.

Этот образ дан в грузинской литературе во многих вариантах. Георгий Шатерашвили показал его в своей песне «Гора през», сделав символическим образ всей нашей родины. Молодой беллетрист Борис Чхеидзе раскрыл этот образ в своей повести «Взвешивание» с фронта». В обоих произведениях есть некоторая искусственность, но тем не менее они вызвали большой интерес у читателя и зрителя.

В умении раскрыть характер воюющего советского человека грузинские драматурги, пожалуй, опередили прозаиков, хотя успешность оставила следа на многих пьесах. Затронули многие стороны жизни, но за малыми исключениями, художественное слово не доведено в драматургии до надлежащей выразительности.

Грузинская проза значительно отстает от драматургии. И если писатель — инженер человеческих душ, то новый тип и характер человека в литературе утверждался впервые всего художественной прозой. Показателем высокого художественно-культурного уровня народа отчасти является его художественная поэзия. Появляясь, даже поэзия становится сильнее, когда она от песенности переходит к лирическому мышлению, к сложному отображению картин жизни во всем ее многообразии.

К сожалению, надо сказать, что в годы Отечественной войны советская литература создала не очень много подлинно художественных произведений прозы, наряду же требует эпических полотен, вышуклого, четкого образа человека. И в

эти годы русская проза шла во главе брацких литераторов. Кроме упомянутых выше произведений, русские писатели дали публицистические статьи и талантливые очерки, проникнутые высоким поэтическим чувством. Имена А. Толстого, М. Шолохова, Л. Пастернака, И. Эренбурга, М. Булгакова, Л. Лермонтова, С. Голованова и Е. Кригеря известны каждому бойцу на фронте и каждому труженнику в тылу. В общем хор советской публицистики звучал и голоса грузинских писателей — Г. Кикодзе, К. Гамсахурдиа, Ш. Дадиани и многих других.

Очерк играет существенную роль в грузинской литературной жизни, но все же не может заменить романа или повести. Сейчас появляются новые рассказы Лео Кичаели, С. Кладичаши, А. Кутателадзе, Демна Шенгелая; А. Белиашвили печатает новый роман о борьбе нашего народа с гитлеровскими ордами на полуострове Кавказе. Той же теме посвящен роман Солломова Тавале. В прошлом году А. Белиашвили напечатал первую часть исторического романа «Жизнь Бесика Габашвили», привлекающую внимание читателей прозрачным стилем и прекрасным историческим колоритом. Основное же, что радует нас в этом романе, — проникновенная идея дружбы народов. В «Жизни Бесика Габашвили» показана тяга грузинского народа к России во второй половине XVIII столетия и раскрыты исторические корни братства наших народов.

Отечественная война по-новому осветила тему стальной дружбы народов, ее исторические основы. Народы Советского Союза скрепили свою дружбу кровью, пролившей на полях битв против фашизма.

Грузинские поэты и прозаики показали конкретные случаи выражения этого чувства дружбы народов. Вот почему героизм советских воинов Мылакова и Шаламберидзе, павших в первые дни войны, записанную одну из высот Украины, воздвигнул почти всех наших поэтов. Этим героем посвящены стихи Г. Кичаели, К. Каладзе, Х. Вардашвили, Э. Горгалдзе, А. Лесни Р. Гатадзе на ту же тему поются по всей Грузии. А. Манганиси посвятил теме дружбы народов немало стихотворений и поэму «Клятва». Дружба украинского и грузинского народов по-

священная новая поэма Сандро Эули. Таким образом, тема дружбы народов находит свое разрешение в нашей литературе и на материале героических дней войны, и на историческом материале.

Историческая тема — представляется для нас интересней, поскольку она переживает с современностью и органически связана с ней. Поэтому мы ищем в литературе образы, которые освещают и историческое прошлое и нынешний день, образы, которые не застыли в прошлом, подобно драгоценным камням в оправе, и не теряют своего воздействия на современного читателя. От поэтического рисунка исторических романов не должно веять византийским холодом, безразличной статичностью. Писатель должен настойчиво искать черты характера исторической личности среди своих современников.

Н. Тихонов в своем докладе на пленуме Союза писателей К. Гамсахурдиа. Он отметил истинную ценность языка, перегруженности асессурами материальной культуры феодальной эпохи.

Эти стороны романов К. Гамсахурдиа не раз отмечались и у нас. Однако, нужно признать, что он наиболее органично подошел к героическому прошлому грузинского народа. Гамсахурдиа впервые создал большие подтона истории Грузии XIX века. Он — писатель с широким кругозором, прекрасный мастер слова. Некоторая архаизация поэтической речи иногда затрудняет восприятие его рассказов; но в последнем романе чувствуется, как писатель постепенно преодолевает различные стигматозаторские увлечения и выходит на путь большой реалистической литературы.

Близке подошли к историческому материалу и грузинские поэты. Прошлое в их произведениях переживает с сегодняшним днем. Стихи Г. Леонидзе, Г. Табадзе, И. Гришанишвили, А. Абашидзе, К. Чичинадзе, Л. Гачецидзе, Ш. Алхандзе, Г. Абашидзе, К. Надрадзе и В. Габаскирия подтверждают положение о живом понимании историчности грузинскими поэтами.

Я бы мог поставить здесь точку, если бы не считал необходимым коснуться вопроса о культурном общении наших литераторов. Вопрос о переводах имеет для нас большое значение, так как достиже-

ниями советской литературы брацкие народы знакомятся через переводы, главным образом, через переводы на русский язык.

Недавно Борис Пастернак в предисловии к переводам Шелли заметил, что переводное произведение должно оказывать на переводчика определенное воздействие. В этом положении есть зерно истины. Однако несправедливо было бы делить это явление на переводы. Всецело разделяю это мнение.

Если переводное произведение родственно творчеству переводчика, оно придает переводу силу оригинального труда. Переводческая работа должна быть и творческим общением с автором оригинала. Перевод, например, с грузинского языка на русский это не передача грузинского звучания в русский стих, — это в первую очередь попытка органически передать грузинское в русской поэзии, т. е. переводное произведение по самому своему языку должно стать явлением русской поэтической культуры.

Перевод всегда должен звучать, как оригинальное русское произведение. «Горные вершины» Лермонтова, хотя и являются свободным переводом, хотя и получают величие оригинала больше, чем все последующие переделки.

Очередной номер «Знамени» вышел в свет в те дни, когда на улицах Берлина...

Еще трудно охватить общие контуры романа Фадеева. Он закончен только внешне...

Шестьдесят писателя в подпольных условиях...

Разобраться в рассказах близких, в их изюмках и признаках, разбросанных в дневниках и письмах...

Всплеск жизни в этих набросках высту- пили живые лица. Как это произошло?

Если мысленно сопоставить сохранившиеся фотографии подпольщиков Краснодона...

Семнадцатилетние молодые люди, гимназички школ и вузов...

Великие писатели Пушкин, Тургенев, Толстой, Некрасов, Островский показали высокую, одухотворенную красоту...

Рассказ «Любовь», датированный 1915 г., можно поставить в ряд лучших произведений о любви в мировой литературе.

Эта нравственная сила, стойкость, достоинство проявляет она и в любви.

Великие писатели Пушкин, Тургенев, Толстой, Некрасов, Островский показали высокую, одухотворенную красоту...

Маша пришла в провинцию к отцу и сестре, чтобы «пожить чистотой».

Маша встречает Егора и сразу чувствует, что он свой, близкий.

Любовь эта кончается катастрофой. Муж Маша, человек с холодными, вы-

его интересов, с дерзкими замыслами и растерянностью перед сложностью самостоя-

Воина запечатлел существование этих молодых людей, они живут для нее и только его.

«Любовь в «Молодой гвардии» — только еще зарождающаяся, готовая вот-вот разгореться большим пламенем...

Когда Ваня Земнухов после объяснения с Клавою шел по улице, то вдохновение, которое, как угли под пеплом, теплится в душе его, теперь, как пламя, ослепало...

Пожалуй, трудно сказать, что больше привлекает Фадеева — пробуждающиеся, неформальные и тайные в себе всякие неожиданные чувства молодого человека...

Тому, кто хорошо знаком со стилем Фадеева, «Молодая гвардия» принесет немало неожиданностей. Рядом с его «голосовскими» страницами он увидит нечто новое...

Почти в каждом из них — выражение новой силы и уже недетской зрелости. Все лучше, что было в них, нашло свое гармоничное развитие.

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни с ее идеями и общественными традициями...

Почти в каждом из них — выражение новой силы и уже недетской зрелости. Все лучше, что было в них, нашло свое гармоничное развитие.

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

ким сильным, если бы автор не заключил его словами: «также, а может быть и не совсем такие мысли теснились в душе Олега».

Широко и разнообразно представлена в «Знамени» поэзия — новые стихи Сельвинского, Антокольского, Матусовского...

Если исходить из оценки чисто эстетической, может показаться, что здесь допущена некоторая неумеренность. Действительно, появившись в журнале лишь избранные стихи Николаевой, эффект получился бы куда более полный.

Я думаю, что было бы неправильно называть Галину Николаеву молодым поэтом. В ее стихах — уже установившийся взгляд на вещи, частое раздумье о прошлом, некоторая урвановшенность, да и сама техника стиха, несмотря на ее несовершенство, вполне отстоявшаяся.

Возникшая в недрах войны поэзия Николаевой связана с ее непосредственным опытом. В лирике Николаевой есть свое отношение к войне. Можно сказать, что война очень не по духу ее женственной натуры...

Интерес этого номера «Знамени» не исчерпывается главами из романа Александра Фадеева и лирикой Галины Николаевой. Тут помещены стихи Сельвинского, в которых есть поэзия и преданность, как часто бывает у этого большого поэта.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

Содержатель критического отчета журналиста Романа Леонова «Взятие Великого Стаба», посвящена статья А. Лейтеса. Печально ходит писателя и сила по логике статьи А. Гуркина «Могла неизвестно солдату».

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

Конечно, эти детские кирички поведомо- бились Николаевой как прямая параллель с теми тоннами бомб, которые грозили обрушиться на нее на голову, любимой.

«Молодая гвардия» — поэзия — новые стихи Сельвинского, Антокольского, Матусовского и большой цикл лирики Галины Николаевой.

Если исходить из оценки чисто эстетической, может показаться, что здесь допущена некоторая неумеренность. Действительно, появившись в журнале лишь избранные стихи Николаевой, эффект получился бы куда более полный.

Я думаю, что было бы неправильно называть Галину Николаеву молодым поэтом. В ее стихах — уже установившийся взгляд на вещи, частое раздумье о прошлом, некоторая урвановшенность, да и сама техника стиха, несмотря на ее несовершенство, вполне отстоявшаяся.

Возникшая в недрах войны поэзия Николаевой связана с ее непосредственным опытом. В лирике Николаевой есть свое отношение к войне. Можно сказать, что война очень не по духу ее женственной натуры...

Интерес этого номера «Знамени» не исчерпывается главами из романа Александра Фадеева и лирикой Галины Николаевой. Тут помещены стихи Сельвинского, в которых есть поэзия и преданность, как часто бывает у этого большого поэта.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

Содержатель критического отчета журналиста Романа Леонова «Взятие Великого Стаба», посвящена статья А. Лейтеса. Печально ходит писателя и сила по логике статьи А. Гуркина «Могла неизвестно солдату».

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

«Знамя» продолжает печатать большую работу генерал-майора Галактионова «Стратегическая цель». Это первый в нашей общей печати большой труд, посвященный полководческому искусству.

— Не надо, — сказал Недочет, жес- том останавливая Веру. — Не надо. Обойдется.

Рисунки художника Б. Дехтерева к роману Ф. Наседкина «Возвращение» («Молодая гвардия»).

— Не сбавляя скорости, Денис направил трактор поперек массива, стараясь преградить путь огню.

Рисунки художника Б. Дехтерева к роману Ф. Наседкина «Возвращение» («Молодая гвардия»).

Геннадий ГОР Опасность обыденного

Из блокнота писателя

У проехого на Невском обозначена по- ходка. Кондукторша у входа поворачивает же трамвайные колеса, что глорится вчера.

Увидел юношу, слегка прихрамываю- щего, ученика, как я узнал, девятого клас- са, возвращающегося из школы с потрепан- ными учебниками лодышкой.

Писатель подчас забывает, что герой и современник, человек необыкновенной био- графии, не уникален. В каком городе, как Ленинград, почти каждый стоял рядом со смертью.

Представим себе на минуту, что наш со- временник попал в 40-е годы прошлого века, Петербург. С выражением значительности на лицах идут чиновники.

Всплеск жизни в этих набросках высту- пили живые лица. Как это произошло? Если мысленно сопоставить сохранившиеся фотографии подпольщиков Краснодона...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни с ее идеями и общественными традициями...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

Иллюстрации художника М. Пикова к «Илиаде» Гомера, выходящей в Гослитгизде в новом переводе В. Вересаева.

Рассказы А. Толстого о любви

Говоря о русской женщине, о своест- венности ее национального характера. Добро- любие — это для нее «лучшее гиль- бель, нежели жизнь при тех началах, ка- ковые... противны».

Эта нравственная сила, стойкость, до- стоинство проявляет она и в любви. Великие писатели Пушкин, Тургенев, Толстой, Некрасов, Островский показали высокую, одухотворенную красоту...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

Толстой показал, как трусливая похоть, жестокое неуважение к женщине скры- вается под чуждой истерикой этих мисти- ческих излияний.

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

«Молодая гвардия» — это не только хроника подвига краснодонцев. Роман Фадеева касается всего уклада советской жизни...

Премьера в Центральном детском театре

Сцена из 2-го акта. На сцене (слева направо): Бонмак — Т. Соловьев, Козуба — И. Воронов и Юра — К. Новикова.

Фото А. ГЛАДШТЕЙНА и В. ПУЛЬВЕР.

Проблема художественного жизнеописания — одна из наиболее серьезных и интересных в мировой детской и юношеской литературе. Жизнь замечательных людей — не только великий урок по истории, но и урок борьбы, образец воспитания характера, пример для подражания; вклад, который в детстве и в юности так жадно ищет себе человек.

Но как рассказать детям о замечательном человеке, — споры об этом ведутся и до сих пор. Когда-то в дореволюционной детской литературе были очень популярны биографические повести Алтаева — гладыши, похожие одна на другую, сентиментальные, прекраснородные и неосторожные. В нашей советской биографической литературе были очень популярны биографические повести Алтаева — гладыши, похожие одна на другую, сентиментальные, прекраснородные и неосторожные.

Вслед за детской литературой и детский театр много бьется над разрешением проблемы спектакля-биографии. На сценах московских детских театров мы видели спектакли «Джордан Бруно», «Седов», «Детство Горького», «Ладю Кецховеле» и другие, но опыт этих пьес и постановок, несмотря на неизменный успех у юношества зрителя, был скорее отрицательным.

Наша авторы, а за ними з театры изо всех сил старались показать творческий путь замечательного человека, историю его жизни или подвига, т. е. то, чего нельзя было показать в одном спектакле. А надо было показывать характер в столкновениях с жизнью человека, преодолевая препятствия, побеждающего или гибнущего.

С такими мыслями я шла на премьеру Центрального детского театра «Грач, птица весенняя». Революционером особенно не везло на сцене детского театра. Пьеса — биография — спектакль «Ладю Кецховеле» в Центральном детском театре, к сожалению, еще свежа. К тому же пьеса Метслаского написана, как говорится, «на материале повести», а в таких случаях не очень вершишь в хороший результат.

Когда открылся занавес, и за тюлем итермиди появился вполне театральный кукольный Швейцария, и совсем недостоверный швейцарец Мотта стал раскрываться перед человеком, сидевшим в кресле, этот человек заговорил о России и сразу повернулся: это голос Баумана...

С мандатом ЦК РСДРП в подкладке пиджака и с ленинским напутствием в сердце Бауман едет в Россию и на границе едва не попадает в руки жандармов. Приехал в Москву, он является на партийное собрание, где убеждает в полной беззаветности организации, спорившей с рабочими масс, плохо законспирированной, а затем на поводу у меньшевиков, Бауман берет на себя руководство подпольной работой, организует подпольную типографию, завязывает крепкие связи с рабочими, воспитывает новые партийные кадры и подготавливает всеобщую забастовку 1905 года.

За Бауманом усердно следят. Пользуясь тем, что в организацию входят сын тайной деятельности охранки, который невольно выдает ей партийные тайны, — пелляция арестует одного за другим членов организации, а потом и самого Баумана. Бауман в тюрьме, но революционная работа, направленная на освобождение Баумана, продолжается. Начинается знаменитая октябрьская всеобщая забастовка 1905 года. В Москве — беспорядки. Бауман в тюрьме объявляет голодовку. Полиция решает выпустить его, но подготавливает убийство. Рабочие освобождают Баумана из тюрьмы. Бауман убит из-за угла подпольным шпионом. Похороны его выливаются в мощную демонстрацию народа против самодержавия.

Как обозначить театральными средствами повседневную работу революционера? Как показать на сцене партийный спор большевиков с меньшевиками, десятилетний ожесточенный теоретический спор? Это — трудная задача. И авторы невольно хватаются за спасительную романтику подполья. Мы знаем Метслаского именно, как одного из ярких представителей такого романтического детектива, и пьеса «Грач, птица весенняя», даже в очень смягченном варианте Центрального детского театра, таила в себе много «детективных опасностей».

Заслуга постановщика, художественного руководителя театра Л. Волкова — в том, что он смягчил «детективную» пьесу интермедиями, воссоздавшими в спектакле атмосферу 1905 года, воздух революции, без которого трудно было бы дать образ Баумана. Театр полагает, что нельзя этой пьесой рассказать все о Баумане, и выбрал то, что можно и нужно было показать — Баумана в его отчаяниях к партийному делу, к товарищам, к врагам и к себе самому — и эти основные черты определил верный облик Баумана-большевика. Нельзя показать на театре теоретическую сущность партийных разногласий, но можно показать споры. Театр так и сделал.

Он показал нам московские 1905 года — революционеров, рабочих, интеллигентов, студенческую молодежь, жандармов, Заголомом «Искра» над каждой интермедией он как бы подчеркнул книжный, документальный характер материала спектакля. Волков сделал спектакль о Баумане несколько наивным, но эта наивность юношеская, чистая и очень пристрастная детскому театру. Пожалуй, один только серьезный упрек можно сделать режиссеру: двусмысленный, слишком подчеркнутый несприятельский, сложный для восприятия, туманный и сложный образ «невольного провокатора» — студента, Валентина (арт. М. Андросов).

Объявлен в спектакле Т. Соловьев в роли Баумана. Он создал очень цельный образ кристально-чистого, мягкого и нежного и в то же время волевого и твердого человека, необычайно строгого к себе и доброго к товарищам, органически, всем существом безотчетно определяющего, кто друг, кто враг. С врагами он непреклонен. Хорошо сыгран Соловьевым целая гамма отношений к разным персонажам на сцене нелегального собрания. Можно сказать, что он «твердеет» на наших глазах в течение нескольких минут, переходя от рабочего к студенту, к красноречивому адвокату, и, наконец, мгновенно превращается в стальной клинок от ласковых слов прекрасной дамы из дворянского обеднения. Очень убедительно персонажи Соловьевым и юношески-восторженной любовью Баумана к Ленину.

Образ Баумана настолько доминирует в спектакле над всем остальным, что трудно говорить о других персонажах. За исключением Т. Струковой, которая явно не на месте в роли зубного врача, актерские силы расставлены в общем верно. Слишком кричат жандармский полковник на старпика (арт. А. Крюков), слишком старается быть «простонародным» И. Перский в роли рабочего. Порой излишне демоничен арт. М. Нейман (начальник охранки). Убедительны И. Воронов в роли Козубы и П. Павлов в роли министра. Милый Баварс девушка-революционерки соседка А. Елисева (Ирина).

Небольшую сцену Центрального детского театра имело и в свое время использовал художник М. Варлех. Приятны «стуманные» московские картины интермедий. Спектакль Центрального детского театра не решает радикально и по-новому задачу биографического жанра на сцене. Но он показывает, что театр может преодолеть всевозможные трудности непреодолимыми трудностями, если в театре есть режиссер и актер.

В романе Мартина Флаэна «Странствие во мраке», получивший в США сразу две литературные премии (пулиттеровскую и гарперскую), представляет несомненный интерес для читателя, следящего за новейшей американской литературой. Книга написана в традиции современной школы американской реалистической романа и отличает серьезный, пылкий отношением к действительности. Автор книги, Мартин Флаэн, впервые появившись на авансцене американской литературы, — уже молодой человек и, как можно судить по сообщаемому о нем сведениям, не вполне новичок в литературном мире. В прошлом крупный и преуспевающий фабрикант, «бизнесмен», он в какой-то мере использует в своем романе автобиографический материал.

«Странствие во мраке» — история американца, который добился материального успеха в жизни, стал миллионером, но не достиг при этом счастья, хотя, казалось бы, должен был его достичь. В книге о нем повествуется разрабатываются две темы: первая, описательная, повествующая о том, как Сам Брэден стал миллионером, и вторая, аналитическая, объясняющая, почему это не сделало его счастливым. Одна тема — это текст книги, другая — ее подтекст. Возможность разрабатывать их одновременно достигается известным усложнением повествования, отчасти использующим технику киношаржера. Основное действие рассказа подготавливается; жизнь и судьба героя прослежены шаг за шагом, начиная с детства его. Однако в пределах этого геттового движения по прямой линии происходит множество более мелких, идущих зигзагом. Рассказ устремляется вперед, обгоняя самого себя, потом, поменяв немного, возвращается вспять. Это расхожий прием, который уже знает читатель прошедшего. И даже на тех страницах книги, где паре преувеличения и накопления богатства становится преобладающим, то здесь, то там проскальзывают нотки сомнения и рефлексии, и мед успеху Сама Брэдена отравлен горечью.

Повествование охватывает шестнадцать лет американской жизни. Оно начинается с рождения героя в 80-х годах прошлого столетия в захолустном городке Уайетвилле на Миссисипи и заканчивается в 1942 году в том же самом городке, где удалившийся от дел миллионер, потерпевший

Кукла Гала САН

Вернувшись недавно в Казахстан из поездки в Киев, я начал работать над большой повестью. Действие ее происходит на территории Украины, временно оккупированной врагом в годы Отечественной войны. Впервые мне пришлось побывать на Украине, когда она была перерезана фронтами и пылала в огне народной войны против захватчиков. С ней связаны мои воспоминания о борьбе в партизанском отряде вместе с бойцами украинскими. Обстоятельства и многие другие. Потом, получив тяжелое ранение, я вынужден был остаться на конспиративной квартире — на одном из ближних к нашему тогдашнему расположению хуторов. В семье шахтера Маслова я скрывался до прихода частей Красной Армии.

Месяцы борьбы и лишения породили во мне и Украину, и с глубоким возмущением вновь я посетил ее как гость украинского народа. Я увидел наш родной Киев, кипучую работу по его восстановлению, побывал в селах Киевщины, встречался с рядом участников партизанского движения. На торжественном заседании, посвященном памяти Григория Сквороды, произошла моя встреча с

Одним из организаторов нашего отряда тов. Слободским. В штабе партизанского движения мы познакомились с материалами об участии казахов в партизанской борьбе. Казахи героически сражались в рядах народных мстителей. Украинский народ не забудет этого. В большой повести украинца Бедика рассказывается о борьбе казахов Касыев Кайсанов, известном партизаном под именем Васи.

Во многих других произведениях украинские писатели, в стихах и прозе, также встречаются герои-казахи. Мои впечатления и воспоминания, материалы, с которыми я познакомился в Киеве, послужат основой для повести о братской дружбе народов, так ярко проявившейся в суровые дни военных испытаний, когда в рядах славных партизан рядом сражались украинцы и русский, башкир и казах.

Чувство великой сталинской дружбы народов проходит через повесть, которую я пишу и хочу закончить к 25-летию Казахской ССР.

Спокойной ночи. Я тебе желаю такого же приятного сна. Как светлый мир, которым я полна.

Он понял игру и подхватил: — Но как оставить мне тебя так скоро? С милым кокетством она спросила: — А что прибавить к нашему створу?

Слова пришлишь им кстати, словно были написаны специально для них.

Он: Какими и ты, как казался тебе. Она: Я первая казалась и сожалею. Что дело в прощанье, а не впереди... Он: Ты бы эту клетку вать назад хотела?

Она: Да, конечно, чтоб дать ее опять. Она: Довольно, прощай, но чем я владыка. Моя любовь, моя дна, а доброта. Как шарф морской. Чем я больше тучу становлюсь безбрежной и богаче... До свидания, любимым!

И с веселым счастливым смехом она убежала. Он остался стоять, озабоченный и влюбленный, как никогда. Это было настолько прекрасно, что молодая постолая миллионерша, слышавшая весь разговор, вдруг улыбнулась мальчишески-парнишески, которого только что соблазнила схватить за шиворот и отвести в отделение, и сказала:

Не надо, мальчик, нарушать порядки! Торговля с рук у нас запрещена. И закрой дверь, чтоб никто не услышал. Спрячь свой «вазек» и уходи домой...

Это было... Впрочем, нет, этого не было. Но это могло бы случиться после спектакля «Ромео и Джульетта». И к сожалению, этого категорически не может быть после современного спектакля. То есть, сначала все будет идти так же. Представьте себе:

Вот погасли волшебные огни рампы, в последний раз опустился занавес, отгреблись аллодисменты, и, конечно, в третьем ли, в десятом ли ряду, в ложе ли, на балконе ли, но где-то обязательно есть те двое молодых влюбленных, которых мы знаем.

И так же они сядут, тесно прижавшись друг к другу, и так же им не хочется расставаться, и так же, наконец, наступит момент, когда все же нужно уходить.

Она вздыхает, поводит плечами, как бы освобождаясь от по ли сладостного, то ли сожалеющего, отнесения и, обратив к нему свое прелестное личико, шепчет:

Порядок!—Теперь—айда домой. Пора! —Точно! —нехотю соглашается он. —Что ж, — давай ходу к вешалке...

Предложим, что и в этом случае она хочет пройтись одна и они проносятся на улице, у подъезда театра. Сердца их трепещут, чувства шуршат, а нужные слова все не приходят. И тут оба они вспоминают только что виденную пьесу. Это, конечно, не Ромео и Джульетта. Это современные герои — допустим, Ромеев и Юлька.

Он сооружает себе мрачное лицо, неужели кайляет и сказал: «гм», поворачивается к ней спиной. Она, наоборот, подхо-

Погасли волшебные огни рампы, в последний раз опустился занавес, отгреблись аллодисменты, но те двое из третьего ряда ничего не замечали. Они продолжали сидеть на своих местах так же, как сидели весь спектакль, тесно прижавшись друг к другу, потрясенные и взволнованные тем, какой могучий отклик нашли в их влюбленных сердцах слова, недавно звучавшие со сцены.

Наконец она вздохнула, поведла плечами, как бы освобождаясь от сладостного отнесения, и, обратив к нему свое прелестное личико, прошептала:

Ну вот и все! Теперь пора домой... Он посмотрел на нее умоляющими глазами, она заметила это и поспешила добавить: — Я помню... Я помню все, что вы мне говорили в антракте. Мы встретимся завтра. А сейчас — пойдем...

Она не захотела, чтобы он провожал ее домой, и они прошли на улице, у подъезда театра. Для этого прощания им нужны были те единственные слова, которые каждый из нас в каюку-то из далеких или близких весенних ночей искал, волновался и трепещал, искал, как самое важное и самое дорогое. И тут оба они вспомнили только что виденную пьесу.

Она сказала: — Спокойной ночи. Я тебе желаю такого же приятного сна. Как светлый мир, которым я полна.

Он понял игру и подхватил: — Но как оставить мне тебя так скоро? С милым кокетством она спросила: — А что прибавить к нашему створу?

Слова пришлишь им кстати, словно были написаны специально для них.

Он: Какими и ты, как казался тебе. Она: Я первая казалась и сожалею. Что дело в прощанье, а не впереди... Он: Ты бы эту клетку вать назад хотела?

Она: Да, конечно, чтоб дать ее опять. Она: Довольно, прощай, но чем я владыка. Моя любовь, моя дна, а доброта. Как шарф морской. Чем я больше тучу становлюсь безбрежной и богаче... До свидания, любимым!

И с веселым счастливым смехом она убежала. Он остался стоять, озабоченный и влюбленный, как никогда. Это было настолько прекрасно, что молодая постолая миллионерша, слышавшая весь разговор, вдруг улыбнулась мальчишески-парнишески, которого только что соблазнила схватить за шиворот и отвести в отделение, и сказала:

Не надо, мальчик, нарушать порядки! Торговля с рук у нас запрещена. И закрой дверь, чтоб никто не услышал. Спрячь свой «вазек» и уходи домой...

Это было... Впрочем, нет, этого не было. Но это могло бы случиться после спектакля «Ромео и Джульетта». И к сожалению, этого категорически не может быть после современного спектакля. То есть, сначала все будет идти так же. Представьте себе:

Вот погасли волшебные огни рампы, в последний раз опустился занавес, отгреблись аллодисменты, и, конечно, в третьем ли, в десятом ли ряду, в ложе ли, на балконе ли, но где-то обязательно есть те двое молодых влюбленных, которых мы знаем.

И так же они сядут, тесно прижавшись друг к другу, и так же им не хочется расставаться, и так же, наконец, наступит момент, когда все же нужно уходить.

Она вздыхает, поводит плечами, как бы освобождаясь от по ли сладостного, то ли сожалеющего, отнесения и, обратив к нему свое прелестное личико, шепчет:

Порядок!—Теперь—айда домой. Пора! —Точно! —нехотю соглашается он. —Что ж, — давай ходу к вешалке...

Предложим, что и в этом случае она хочет пройтись одна и они проносятся на улице, у подъезда театра. Сердца их трепещут, чувства шуршат, а нужные слова все не приходят. И тут оба они вспоминают только что виденную пьесу. Это, конечно, не Ромео и Джульетта. Это современные герои — допустим, Ромеев и Юлька.

Он сооружает себе мрачное лицо, неужели кайляет и сказал: «гм», поворачивается к ней спиной. Она, наоборот, подхо-

дит к нему, кладет ему руку на плечо, и лицо ее освещается, как пишут в ремарках, ярким внутренним светом чистой любви.

— Ну? —настойчиво спрашивает она. — Что — ну? — бурчит он. — Значит — пока? — еще более настойчиво спрашивает она. — Выходит, значит, пока, — соглашается он.

— Все-то? — со слезами в голосе переспрашивает она. — Выходит так, — еще более мрачно подтверждает он.

Теперь отвернулась она и явно собирается уходить. Уже через плечо она спрашивает: — Значит и всё? И точка?

Плечи его сотрясаются, но по-мужски, как в пьесе Симонова, он сдерживает себя и равнодушно спрашивает: — У тебя есть спички?

— Есть, — сквозь сдерживаемые рыдания бросает она и, сунув ему спички, убегает.

Не горюясь, он раскручивает трубку и, только изловив наглотавшись дыму, негромко, обязательно негромко, окладывает ее: — Юлька!

Этот тихий окрик захлестывает ее, как ласко. Она с ходу останавливается и возвращается к нему.

— Ну? — с надеждой поднимает она на него свои светящиеся глаза. — Ну? — Пока, значит? — тихо спрашивает он, вкладывая в свои слова особый, одному ему понятный, смысл.

Она не верит своему счастью. — Да, выходит, пока, значит, — метко отвечает она, лукаво улыбаясь при этом.

Она сейчас чудесно хороша, и он понимает, что еще секунда, и ни Симонов, ни Катаев, ни Погодин, ни Арбузов, ни Фин не смогут удержать его от естественного проявления волнующего его чувства. Еще секунда, и он кинется к ней, улыбающийся и счастливый, будет деловать ей руки, бесконечно повторять запрещенное мужским словом «любовь» и вообще нести все тот красивый и восхитительный вздор, который так свойствен влюбленным. Он прекрасно понимает это и спешит отвлечься. И уже в этом положении, откуда-то из-подмышек, доносится его, на этот раз прерывающийся, голос:

— Пока? Нет, ты скажи, пока? — Пока, — отвечает она, но тут же (конеч-то чувства ее прорываются, она обхватывает своими маленькими, но сильными (как во всех пьесах) руками его молодую, но уже седую и усталую (как во всех пьесах) голову и, задыхаясь от счастья, первая (как во всех пьесах) произносит заветные слова: — Ну, ладно, ладно, не психуй. Вель ты же знаешь, что я тебя давным давно люблю.

— Ты? — Ага. — А меня? — А кого же? И тут волшебный дар красноречия осеняет его. Он произносит свой самый длинный и самый знаменитый монолог: — Значит, все время я... В то время, как ты... Нет не так... Я все время... А я в это время... Не может быть? Хотя почему не может?.. Так и есть! Так и будет!.. У нас будет домок... В Черковье!.. А я-то, А ты-то, А мы-то... Ой, дурак! — Болван! — радостно соглашается она. — Идиот! — в полном восторге вопит он. — А ты что же, ты-то... Гадока!

— Дура! — захлебываясь от счастья, говорит она. — Психодатка! И, продолжая ругаться последними словами, они падают друг другу в объятия. И как раз в этот момент молодая миллионерша, заставшая конец объяснения, подходит к ним и укоризненно говорит: — Давайте, не будете хулиганничать, граждане... Не нарушайте! Ругаться на улице не положено. Идите, идите. И когда счастливая пара удаляется, она, поклав головой, вздыхает: — Насмотрелась! Э-эх! И это ведь каждый вечер! Вот что происходит после современного спектакля.

ВСОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Художественные биографии ученых

Этой теме был посвящен доклад Я. Рыкачева на последнем собрании секции научно-художественной литературы.

— Великая реалистическая литература XIX века, — говорит докладчик, — равно русская и зарубежная, с замечательным художественным проникновением раскрывала целый мир человеческих страстей, прошла мимо «исследовательской», познавательной страсти человека.

В лучшем случае литература XIX века вводила в область искусства личную жизнь ученого, при условии, что в ней имелся какой-либо острый драматический конфликт. И вот, если ученый и появлялся порою на страницах художественного произведения, то лишь до или после того, что составляло, по существу, основное содержание его жизни и наиболее драматических коллизий его души.

Даже в XX веке, когда наука стала одним из важнейших факторов социальной жизни, художник, бравшийся за изображение жизни ученого или изобретателя, по-прежнему интересовался не столько творческим процессом, сколько его результатом: драматическое действие возникало не ранее, чем ученый начинал борьбу за признание своего учения или изобретателя — за внедрение своего изобретения. Именно так, за редким исключением, построены зарубежные «романизированные биографии» людей науки и техники.

Отнюдь не случайно, что именно советская научно-художественная литература открыла для искусства обширный и прекрасный мир человеческой страсти к познанию природы и овладению ее силами. Такой естественный результат новых, социалистических общественных отношений, обусловивших широчайшую демократизацию науки, вовлечение миллионов людей в активное научное и техническое творчество. Это и определило принцип построения нашей научно-художественной биографии: она делает читателя соучастником работы ученого, вводит в мир его творческой жизни.

Этот новый жанр — в своем полном выражении — возник у нас не столь давно, мы находимся еще в начале пути. Удач еще не так много, традиция еще сильна и нередко деформирует замысел художника.

В прениях приняли участие проф. Ю. Фролов, О. Черный, В. Сафонов, В. Шкловский, О. Писаржевский, С. Марков, А. Гайсинский (Биологическое отделение Академии наук СССР), И. Фейнберг.

Проблема советского детектива

Комиссия приключенческого жанра ССП провела 31 мая в Клубе писателей под председательством Л. Шейнина первое собрание. Большой двухчасовой доклад М. Шагинян «Проблема советского детектива» вызвал живой интерес многолюдной аудитории. В прениях по докладу приняли участие Л. Никулин, В. Шкловский, кинорежиссер В. Шнейдеров, Н. Панов и др. Обсуждение доклада будет продолжено на следующем собрании комиссии.

В несколько строк

Известный литовский писатель — профессор Балис Сруга освобожден из немецкого плена. 6 марта 1943 г. он был арестован гитлеровцами и угнетен в немецкой концентрационной лагерь Штуттоф. Он был заключен около 400 других литовцев. Все они освобождены в плену Красной Армией. Балис Сруга приехал в Вильнюс.

Группа татарских писателей — Г. Рашид, Ф. Хусни, Г. Гизат и Г. Халид — готовит к печати литературно-художественный альманах, в который будут включены лучшие произведения татарской литературы, написанные в дни Великой Отечественной войны. Выпуск альманаха приурочивается к 25-летию Татарской АССР.

Конференция, посвященная образу В. И. Ленина в литературе и народном творчестве, была проведена областной комитетом и на родине Владимира Ильича в г. Ульяновске.

Вечер армянской поэзии состоялся недавно в Доме культуры Армянской ССР (Москва). Вечером в исполнении артистов Армянского народного театра выступили В. Янгинович, М. Петровых, В. Луговской. В концерте участвовали артисты Малого театра В. Обухов, мастер художественного слова С. Балашов. На армянском языке свои лирические стихотворения и отрывки из поэмы «Голос родины» прочитал поэт В. Янгинович.

Читатели библиотеки имени Пермякова Детско-молодежного района (Москва) недавно обсуждали повесть Евг. Рыса «У городских ворот». На обсуждении присутствовала автор.

Известный литовский писатель — профессор Балис Сруга освобожден из немецкого плена. 6 марта 1943 г. он был арестован гитлеровцами и угнетен в немецкой концентрационной лагерь Штуттоф. Он был заключен около 400 других литовцев. Все они освобождены в плену Красной Армией. Балис Сруга приехал в Вильнюс.

Группа татарских писателей — Г. Рашид, Ф. Хусни, Г. Гизат и Г. Халид — готовит к печати литературно-художественный альманах, в который будут включены лучшие произведения татарской литературы, написанные в дни Великой Отечественной войны. Выпуск альманаха приурочивается к 25-летию Татарской АССР.

Конференция, посвященная образу В. И. Ленина в литературе и народном творчестве, была проведена областной комитетом и на родине Владимира Ильича в г. Ульяновске.

Вечер армянской поэзии состоялся недавно в Доме культуры Армянской ССР (Москва). Вечером в исполнении артистов Армянского народного театра выступили В. Янгинович, М. Петровых, В. Луговской. В концерте участвовали артисты Малого театра В. Обухов, мастер художественного слова С. Балашов. На армянском языке свои лирические стихотворения и отрывки из поэмы «Голос родины» прочитал поэт В. Янгинович.

Читатели библиотеки имени Пермякова Детско-молодежного района (Москва) недавно обсуждали повесть Евг. Рыса «У городских ворот». На обсуждении присутствовала автор.

А. СТАРЦЕВ СТРАНСТВИЕ ВО МРАКЕ

Роман Мартина Флаэна «Странствие во мраке», получивший в США сразу две литературные премии (пулиттеровскую и гарперскую), представляет несомненный интерес для читателя, следящего за новейшей американской литературой. Книга написана в традиции современной школы американской реалистической романа и отличает серьезный, пылкий отношением к действительности. Автор книги, Мартин Флаэн, впервые появившись на авансцене американской литературы, — уже молодой человек и, как можно судить по сообщаемому о нем сведениям, не вполне новичок в литературном мире. В прошлом крупный и преуспевающий фабрикант, «бизнесмен», он в какой-то мере использует в своем романе автобиографический материал.

«Странствие во мраке» — история американца, который добился материального успеха в жизни, стал миллионером, но не достиг при этом счастья, хотя, казалось бы, должен был его достичь. В книге о нем повествуется разрабатываются две темы: первая, описательная, повествующая о том, как Сам Брэден стал миллионером, и вторая, аналитическая, объясняющая, почему это не сделало его счастливым. Одна тема — это текст книги, другая — ее подтекст. Возможность разрабатывать их одновременно достигается известным усложнением повествования, отчасти использующим технику киношаржера. Основное действие рассказа подготавливается; жизнь и судьба героя прослежены шаг за шагом, начиная с детства его. Однако в пределах этого геттового движения по прямой линии происходит множество более мелких, идущих зигзагом. Рассказ устремляется вперед, обгоняя самого себя, потом, поменяв немного, возвращается вспять.

Это расхожий прием, который уже знает читатель прошедшего. И даже на тех страницах книги, где паре преувеличения и накопления богатства становится преобладающим, то здесь, то там проскальзывают нотки сомнения и рефлексии, и мед успеху Сама Брэдена отравлен горечью.

Повествование охватывает шестнадцать лет американской жизни. Оно начинается с рождения героя в 80-х годах прошлого столетия в захолустном городке Уайетвилле на Миссисипи и заканчивается в 1942 году в том же самом городке, где удалившийся от дел миллионер, потерпевший

ные связи. Эту сторону в романе характеризует мотив «неузнавания».

Первое «неузнавание» происходит в Чикаго в самом начале карьеры Брэдена. Он сидит в ресторанчике со своим будущим компаньоном, когда с улицы заходят два молодых парня и заказывают коктейль. Брэден сразу узнает одного из них. Это Пиун Коул, сын их соседей по Уайетвиллю, которого он помнит еще мальчиком. Первое движение Брэдена — вскочить и приветствовать Коула: «Здорово, старина Пиун! Сколько лет, сколько зим!.. Но он этого не делает. Он не знает, как постоит его будущий компаньон на столь близкое знакомство с негром, да и вообще неясно, что сейчас произойдет. Закон, конечно, не написанное право расовой дискриминации ставит негра вне закона. Брэден отворачивается и молча потягивает из своего стакана. Дальше происходит следующее: бармен с многозначительной улыбкой покладает неграм коктейль, затем берет с них несурзную плату и, когда они беспрекословно платят, нагло разливает стаканы, из которых они пили. Брэден молчит. Негры, униженные и потрясенные, спешат уйти. Бармен хочет — больше эти каналы сюда не придут. Брэден продолжает молчать.

Второе «неузнавание» происходит позже. Брэден — уже богатый человек. Он провозит меловой месяц в Калифорнии. Однажды в казино, куда он зашел с женой, происходит скандал — выгоняют слитуювавшего ирга. Тот вынужден с позором ретироваться. Брэден узнает его. Это его старший брат Том. Он бежал из дому, сделался ходоком на беговой конюшне, а теперь спился и опустился на дно. Брэден отворачивается. Ему не надо что особенно любить Тома, он не видел от него ничего хорошего, но тем не менее это его брат. «Что с тобой, — спрашивает жена, — ты знаком с этим человеком?» «Нет, — отвечает он, — здесь душно, выйдем на воздух...»

Третье «неузнавание» обращено против Сама Брэдена и имеет характер символического «расчета» за первые два, в которых неузнающим выступил он. Его не узнает его любимая сестра Нелли. Нелли хотела быть актрисой, ей это не удалось, и она помышляла от горя и разочарования. Теперь грязь и тоска ее несчастной жизни полади: она в комфортабельном заведении дала душевнобольных, за нее платит ее брат миллионер. Брэден признает ее и навешивает. «Это я, Нелли, твой брат Сэм, — твердит он ей, —

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).